

**«... связь с прошлым —
одно из самых крепких звеньев в истории,
а уважение к древности —
лучшее мерило той ступени развития,
на какой находится данный народ».**

М. И. Полянский

Из Отчета о первых раскопках на Рюриковом городище.
Новгород, 1901

НОВГОРОДСКАЯ

РОЖДЕНИЕ ДЕРЖАВЫ

Свидетельства из глубины столетий

Санкт-Петербург
Информационно-издательское агентство «ЛИК»
2012

ББК 63.3 (2)41
УДК
Н726

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Под редакцией члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук,
профессора Е. Н. Носова

Руководитель проекта и редактор В. Е. Левтов

Авторский коллектив: Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская, М. В. Медведева

Художник С. Д. Минаев

Издание осуществлено в сотрудничестве
с Институтом истории материальной культуры РАН

В издании использованы материалы и документы
из фондов Института материальной культуры РАН,
а также фотографии...

© Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2012

© Е. В. Носов, Н. В. Хвоцинская, М. В. Медведева, 2012

ISBN 978-5-86038-147-6

на стр. 2-3
?????

на стр. 4

St. John of Damascus. Free composition with elements taken from various MSS.

К ЧИТАТЕЛЮ

В 1708 ГОДУ В ДРЕЗДЕНЕ БЫЛ ОТКРЫТ И РАЗГАДАН СЕКРЕТ КИТАЙСКОГО ФАРФОРА И РАЗРАБОТАН МЕТОД ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПЕРВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО БЕЛОГО ФАРФОРА. ПРЕДПОСЫЛКОЙ К ЭТОМУ УСПЕХУ ЯВИЛОСЬ СТРАСТНОЕ ЖЕЛАНИЕ КУРФЮРСТА САКСОНИИ И КОРОЛЯ ПОЛЬШИ АВГУСТА СИЛЬНОГО ИМЕТЬ В РУКАХ НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК БОГАТСТВА – ЗОЛОТО, ПОЛУЧАЕМОЕ АЛХИМИЧЕСКИМ ПУТЁМ. ПОДДЕРЖКА АВГУСТОМ ОБШИРНЫХ НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ ПРИВЕЛА, ОДНАКО, К ИЗОБРЕТЕНИЮ ФАРФОРА, НАЗВАННОГО «БЕЛЫМ ЗОЛОТОМ».

За прошедшие триста лет изысканный европейский фарфор нашёл ценителей во всём мире. Исключительное художественное мастерство многих фарфорщиков позволило создавать роскошные изделия самых разнообразных элегантных форм. Будучи первоначально предметами роскоши, фарфоровые изделия вскоре сделались неотъемлемой частью повседневной жизни. Фарфор нашёл применение, как в искусстве и художественных промыслах, так и в технике. Он оказал облагораживающее действие и на такую область человеческой культуры, как застольные нравы.

Возникшие за последние три столетия в Европе многочисленные мануфактуры производили и производят неизмеримое количество изделий самых разных художественных достоинств. Одной из мануфактур, производящих элитный фарфор, является основанная 2 октября 1872 года Саксонская фарфоровая мануфактура, Дрезден. Здесь создавался и создаётся изысканный декоративный фарфор, находивший в разное время восторженных поклонников в более чем 30 странах зарубежья. В конце XIX века к числу таких стран принадлежала и Российская империя.

В 2005 году, став владельцем мануфактуры, я поставил перед собой задачу придать новый импульс работе этой жемчужины саксонского прикладного искусства. В первую очередь, мной были предприняты усилия к восстановлению утраченных в начале XX века торговых связей мануфактуры с Россией, и к возвращению на российские рынки замечательных изделий Дрезденского фарфора с маркой «SP Dresden». Дружеские связи между Россией и Саксонией, заложенные ещё в начале XVIII века Петром I и Августом Сильным

П
РОДИЩЕ
В РУССКИХ
ЛЕТОПИСЯХ
И СОВРЕМЕННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ

**«... Кругом синие, заманчивые дали.
Темнеет Ильмень. За Волховом —
Юрьев и бывший Аркажский
монастырь. Правее сверкает глава
Софии и коричневой лентой изогнулся
Кремль. На Торговой стороне белеют
все храмы, что кустом стоят.
Виднеются — Лядка, Волотово,
Кириллов монастырь, Передница,
Сельцо, Сковородский монастырь,
Никола на Липне, за лесом синее
Бронница. Все как на блюде
за золотым яблочком»,—**

это художественное описание архитектурного и природного ландшафта, оставил чуть более ста лет назад Николай Константинович Рерих, чья творческая жизнь многими нитями была связана с Новгородской землей. Такой ландшафт открывался перед первыми исследователями древнейшего укрепленного поселения, называемого в русских летописях, начиная с 1103 г., Городищем. Занимавшее с середины IX в. лидирующую роль в истоке Волхова и в прилегающем к нему с юго-запада небольшом районе, получившем название Поозерье («земли по озеру»), поселение стало резиденцией новгородских князей и важнейшим центром политической жизни Новгорода. Согласно заключениям историков и краеведов первой половины XIX в., отсюда в 859–862 гг. славянские и финские племена, объединившись, обратились с призывом к варяжскому князю Рюрику: **«Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нетъ. Да поидите у нас княжити и володети».** Городище в историко-краеведческой литературе стали именовать не иначе как Рюриковым городищем.

на стр. 8

Городище. Деталь плана окрестностей
Новгорода 1819 г.

Масштаб 1:8400.

Из фонда Российского государственного
исторического архива

Панорама Городища с высоты «птичьего
полёта», вдали — Передница

Радзивилловская летопись. Миниатюра «Призвание варягов на Русь»

Островное
городище
Сергов городок.
1992

ГОД 862-Й СТАЛ ГОДОМ «НАЧАЛЬНОГО СОБЫТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ». (ТАКОЙ ОФИЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ОН ПОЛУЧИЛ 21 АВГУСТА 1852 Г. УКАЗОМ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.) ИЗ НОВГОРОДА, С ГОРОДИЩА, ПРИШЕЛ В КИЕВ КНЯЗЬ ОЛЕГ, ЧТО И ПРИВЕЛО К ОБЪЕДИНЕНИЮ ЭТИХ ДВУХ – НА СЕВЕРЕ И ЮГЕ – ЦЕНТРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СРЕДЕ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА В КОНЦЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э. ГОД ЭТОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ – 882-Й – ТРАДИЦИОННО СЧИТАЕТСЯ ВРЕМЕНЕМ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА.

В наши дни, когда огромная насыпь железной дороги, строительство которой началось во время Первой мировой войны, разорвала ильмень-волховскую пойму и искусственным гигантским гребнем отрезала от Новгорода Нередицу, Благовещенский храм и Юрьев монастырь, когда в руинах стоят монастыри и церкви правобережья реки Волхова, создававшие еще до середины XX в. неповторимый единый природно-архитектурный ансамбль, талантливое описание местности сделанное Н. К. Рерихом – выдающимся художником, общественным деятелем и археологом для нас особенно ценно.

Карта-схема расположения памятников археологии в истоке р. Волхова

Роль Поозерья и истока Волхова как центра славянского расселения определило их чрезвычайно выгодное географическое положение в месте, где сходились обширные системы рек лесной зоны и имелись плодородные почвы. Именно этот район имел в виду древнерусский летописец XI в., когда сообщал, что самая северная группа славян «седоша около озера Ильменя и прозвашася своим именем, и сделаша город и нарекоша Новъгородъ».

Десятки поселений, основанные в IX–X вв. (а возникновение некоторых, в том числе Прость, можно отнести к третьей четверти I тысячелетия н.э.), протянулись по реке Веряже, вдоль Волхова и его правого рукава – Малого Волховца. Подавляющее большинство этих поселений (из ныне известных тридцати) были неукрепленными. В Поозерье известны только два поселения, защищенные валами и рвами. Одно из них, Сергов городок, закрывало вход в Веряжу из Ильменя, другое – Георгий находилось в самом центре скопления поселков.

Радзивилловская летопись. Миниатюра «Построение Новгорода ильменскими славянами»

Городище Георгий. 1992

Урочище Перынь, место центрального языческого капища ильменских славян. 1998

Сергов городок был устроен на западном берегу острова посреди Веряжи. Площадку Городка окружали и ров и подковообразный земляной вал длиной около 100 м, шириной 10–12 м и наибольшей высотой 2 м. Городок выполнял функции сторожевого пункта и убежища на случай военной опасности. Аналогично ему по характеру было и поселение Георгий.

Сходные городки с кольцевыми валами на низких местах, мысах или островах хорошо известны у западных славян. Для них была весьма характерна модель расселения, когда освоение новой территории начиналось с постройки городища. Западные аналогии поозерских городков это одно из свидетельств возможных культурных связей ильменской группы славян с западнославянским миром.

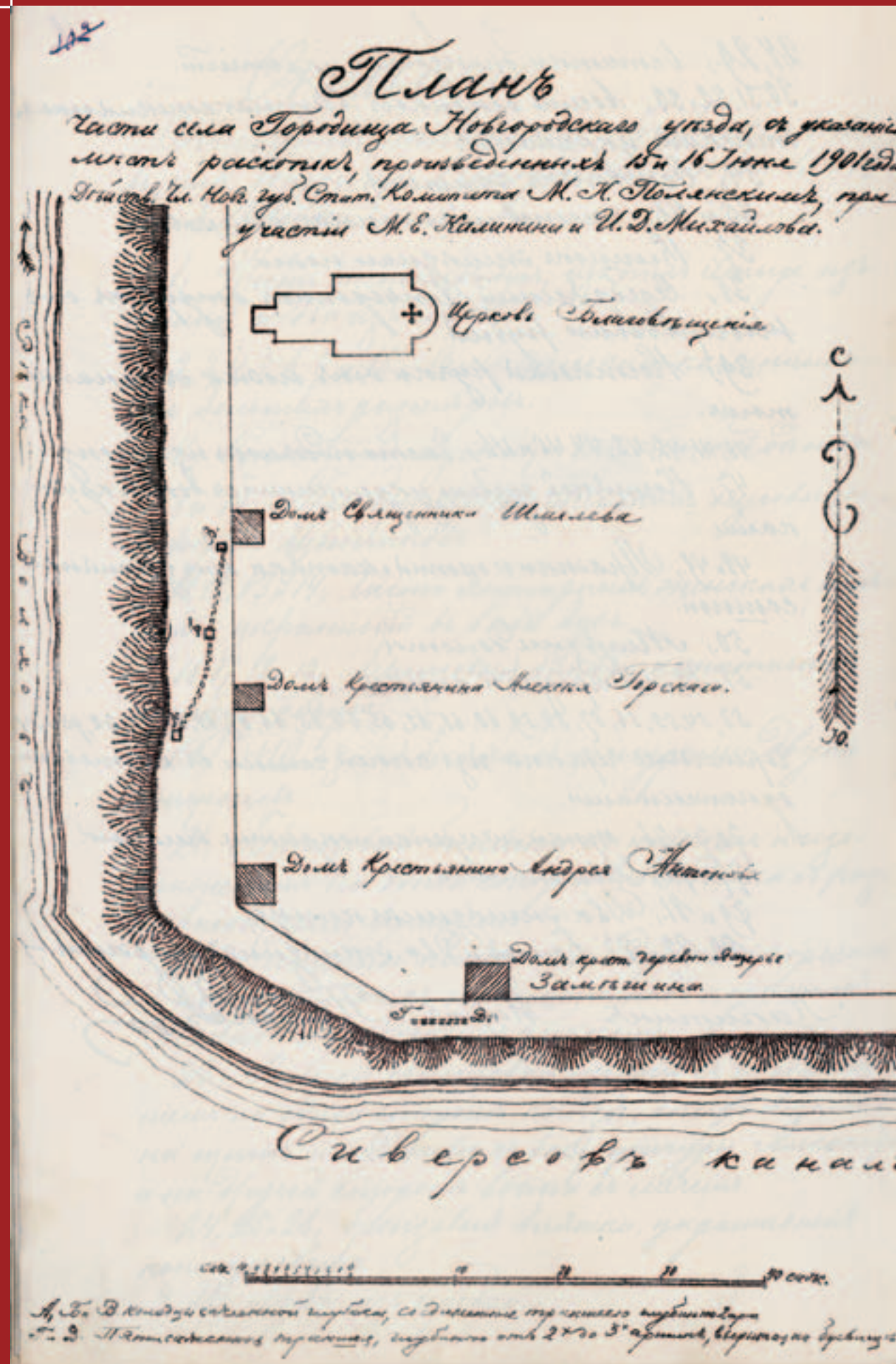
В самом истоке Волхова, среди сгустка славянских поселков, находилась Перынь — главное языческое капище северных славян. По летописям известно, что в 980 г. воевода Добрыня, дядя великого князя Владимира Святославича, утверждая культ Перуна в Новгороде, «**постави кумира надъ рекою Волховомъ, и жряху ему людье новгородьстии аки кац богу**». Каким было это изображение божества, летописец не сообщает, но установленный одновременно в Киеве деревянный Перун имел серебряную голову и золотые усы. После принятия в 988 г. князем Владимиром христианства и приходом в Новгород первого архиепископа Иоакима Корсунянина языческое святилище в Перыни было разорено.

Вид на Городище
с Волхова.
Фото
П. П. Покрышкина.
Апрель 1917

на стр. 18
Вид на Рюриково
городище
с колокольни Юрьева
монастыря.
Фото
Е. В. Гордюшенкова.
Апрель 2012

План из отчета об археологических раскопках М. И. Полянского. 1901.
Из фонда Императорской археологической комиссии

Но не только славянское расселение определило появление в северном Приильменье военно-административного и торгово-ремесленного центра. Не менее значимым фактором явилось прохождение по Волхову балтийско-волжского пути и пути «из варяг в греки», которые расходились на Волгу и на Днепр именно в истоке Волхова.

Выбор Городища для размещения княжеской резиденции был обусловлен его топографическим размещением. Находясь почти напротив главного святилища славян в Перыни и занимая при плавании по Волхову первую от Ильменя возвышенность при раздвоении Волхова на рукава, Городище представляло собой естественно защищенный ключ не только к окружающему району, но и ко всему бассейну Ильменя. В плотной земледельческой зоне не было более подходящего места для основания торгово-ремесленного поселения, выполнявшего одновременно функции контроля за движением по оживленной водной магистрали. Не случайно князья и их дружины, куда входило немало скандинавов, уже в IX–X вв. сделали подобный пункт своим оплотом.

Само название Новгорода («Новый город») и наименование расположенного близ него поселения, где находилась княжеская резиденция, Городищем, то есть «местом города бывшего, старого города», позволили уже первым русским историкам XVIII в. предположить, что Городище предшествовало Новгороду. В немалой степени такому предположению способствовали сообщения поздних русских летописей второй половины XVII – XVIII вв. об основании Новгорода на новом месте близ прежнего центра ильменских славян – Словенска, который отождествляли с Городищем. Именно эта гипотеза тиражируется в десятках работ историков и краеведов XIX – первой половины XX вв., опирающихся в своих суждениях, в основном, на общие исторические соображения, сопоставление названий (старый город – новый город), краткие известия письменных источников и легендарные сказания, в то время как археологические материалы для подобного вывода практически не привлекались.

В древности местность Рюрикова городища – возвышенность площадью около 10 га и окружавшая его низменная территория – представляли собой остров при разделении Волхова на рукава. Остров был ограничен с запада Волховом, а с юга, востока и севера его двумя рукавами – Малым Волховцом и Жилотугом. Островной характер местности наиболее ярко проявлялся весной, когда окружавшие ее низкие места затоплялись, и вода надолго застаивалась в пойме.

Собственно городищенская возвышенность состояла из двух частей – холма высотой 11–12 м над уровнем реки и мысовой части, поднимавшейся над поймой на 1,25–1,6 м. Мыс и холм разделяла сырая ложбина. Различия в геологическом строении возвышенности (песчаный холм и глинистый мыс) определили особенности сохранности культурного слоя на поселении. На мысу над глиной, не пропускавшей воду, прекрасно сохранились органические остатки, прежде всего, деревянные сооружения, а на остальной части поселения культурный слой представляет собой аморфные слои гумуса.

Первые археологические работы на Городище связаны с именем военного историка, новгородского краеведа полковника М. И. Полянского. С участием М. Е. Калинина и И. Д. Михайлова М. И. Полянский в 1901 г. заложил на территории Городища несколько шурфов и траншей. Никаких задач в определении соотношения Городища и Новгорода исследователи не ставили, их целью являлись поиски свинцовых печатей. М. И. Полянский прямо писал: «Поводом к производству рас-

копок в селе Городище, послужили находки вислых свинцовых печатей новгородских князей в отмываемых весенними разливами берегах р. Волхова у соединения этой реки с Сиверсовым каналом». Конкретная инициатива в проведении работ принадлежала основоположнику русской сфрагистики Н. П. Лихачёву. Именно его письмо М. И. Полянскому «о научном значении вислых свинцовых печатей (пломб) в русской сфрагистике», как отмечал новгородский краевед, «...довершило решимость неотлагательно отправиться на Городище на поиски этих памятников». К чести исследователей снятый ими план центральной и южной части Городища с обозначением мест предпринятых работ был сделан вполне добротнo, что, обусловлено пониманием М. И. Полянским как кадровым военным необходимости проведения топографической съемки и наличием у него соответствующего опыта.

Почти через десять лет, в 1910 г., перед XV Всероссийским археологическим съездом, раскопки на Городище были предприняты Н. К. Рерихом совместно с другим известным археологом и музейным деятелем Н. Е. Макаренко. Они в полной мере осознавали значимость, по словам Н. К. Рериха, «богатого места Городища» как древнейшего поселения в истоке Волхова и резиденции новгородских князей.

Однако сами раскопки 1910 г., проходившие всего лишь в течение четырех дней, естественно, не дали и не могли дать значимых результатов. (Отчет в Археологическую комиссию даже не был «доставлен».) Сохранившаяся скудная информация о предпринятых исследованиях ограничивается изложением доклада Н. Е. Макаренко по результатам раскопок, сделанным в феврале 1911 г. на заседании Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества и выступлений при обсуждении доклада, а также краткими сообщениями в различных хрониках, публицистических заметках Н. К. Рериха и упоминаниями в его письмах.

Н. К. Рерих и Н. Е. Макаренко заложили в разных местах на Рюриковом городище пять траншей, в частности, за апсидой церкви Благовещенья и на холмике Никола, а также провели зачистку культурного слоя вдоль правого берега Сиверсова канала, построенного в начале XIX в. и названного в честь новгородского губернатора.

Н. К. Рерих был явно разочарован тем, с чем он столкнулся в шурфах и что он изначально ожидал открыть здесь. А ожидал он многого. «На Рюриковском городище, месте древнейшего поселения, где впоследствии всегда жили князья с семьями, — с воодушевлением увлеченного человека писал он, — всё полно находок», «... на Городище, может быть, найдутся остатки княжеских теремов и основания», «... кругом Городища — далекие горизонты» и «... кругом чудятся какие-то фундаменты».

Под впечатлением просторов, открывавшихся с Рюрикова городища на фоне широкой водной глади и зеленых лугов, Н. К. Рерих сделал ряд набросков замысловатого сплетения облаков над местом и панорамы Волхова, использованных им через три года для эскиза декораций второй картины «Великая жертва» балета И. Ф. Стравинского «Весна священная», который композитор называл «религиозной церемонией Древней Руси — Руси языческой».

После первого дня работ на раскопках настроение Рериха-исследователя изменилось. Он пишет жене 7 июля 1910 г.: «... вещей пока нет. Так, разные мелочи», «... главное, обидно, что неизвестно, где стоял терем», «думаю,

Николай Константинович Рерих. Ок. 1896

Артемий Владимирович Арциховский. 1932

что здесь на Городище долше 5 дней не прокопаем. На следующий день огорчения отсутствием находок звучат в одном письме уже дважды — терпение Н. К. Рериха, навеянное романтикой прошлого, иссякает: **«Вещей что-то мало», «жаль, вещей мало находим**». А 9 июля попытки что-то выяснить на Городище прекращаются: **«... сегодня вечером мы переезжаем в Новгород. Здесь что-то никаких вещей не найти»**.

Оправдывая неудачу своих работ на поселении, Н. К. Рерих заключил, что **«лучшая часть Городища уже давно смыта бурным течением Волхова»**. Он пишет: **«В Волхове покоятся и терема и часть храмов. Словом, вся лучшая часть поселения; всё, что стояло на видных передовых местах», «... нам ясна толщина жилого слоя и гибель лучшей части Городища, пора спешить в Кремль»**.

Не смогли Н. К. Рерих и Н. Е. Макаренко толком разобраться и в том, что они открыли на холмике «Никола». Холмик отчетливо был выделен на плане Городища начала XIX в. и виден на прекрасной фотографии 1903 г., сделанной во время реставрации Нередицы (на нем стоял деревянный крест). Видели «высокий крест» и Н. К. Рерих с Н. Е. Макаренко. На второй день «изучения» Городища на холмике (8 июля 1910 г.), как отмечает Н. К. Рерих, **«... обнаружались вполне очертания церкви 1565 года, но это не интересно. Интересно, остались ли под нею остатки церкви, построенной в 1165 году и сгоревшей в 1201 году. Вот эти остатки могут быть любопытны. Вещей что-то мало»**. Найдено ничего определенного не было, но, тем не менее, в письме великой княгине Марине Павловне 5 сентября 1910 г., явно погрешив против истины, Н. К. Рерих уверенно сообщал, что **«были открыты основания древней Никольской Церкви, уничтоженной пожаром в 1201 году»**.

Образ Городища и всей ландшафтной ситуации вокруг него, талантливо прочувствованный Н. К. Рерихом, несомненно, останутся навсегда своеобразным литературно-художественным полотном, окрашенным великим талантом, но, к сожалению, не перенесенным на холст. Однако его и Н. Е. Макаренко археологическая попытка внести что-то новое в представление о прошлом княжеской резиденции воспринимается через столетие именно не более как попытка еще недостаточно подготовленных исследователей для серьезного изучения поселенческих комплексов и городов. Это направление в отечественной науке еще только делало первые шаги.

Традиционно считается, что раскопки Новгорода начались в 1932 г., когда совместной экспедицией Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) и Государственного Исторического музея (ГИМ) под руководством А. В. Арциховского и М. К. Каргера были начаты работы на Славне, исторически упоминаемой в летописях части древнего города. Однако основатель Новгородской экспедиции А. В. Арциховский первые свои работы в Новгородском округе начал в 1929 г. не на собственно городской территории, а на летописном Городище (Рюриковом городище). Цель, двигавшая исследователем, вполне прозрачна, она та же, что обусловила начало работ 1932 г. — поиски древнейшего Новгорода. Это лежало в русле общей темы русских историков и краеведов с начала XIX в. и легендарных преданий о древнем Славенске.

А. В. Арциховский в полной мере отдавал себе отчет, что Городище это одно из важнейших мест, значимых для городской археологии. Он заложил на Городище две траншеи — на вершине холма и на мысу южнее Сиверсова канала.

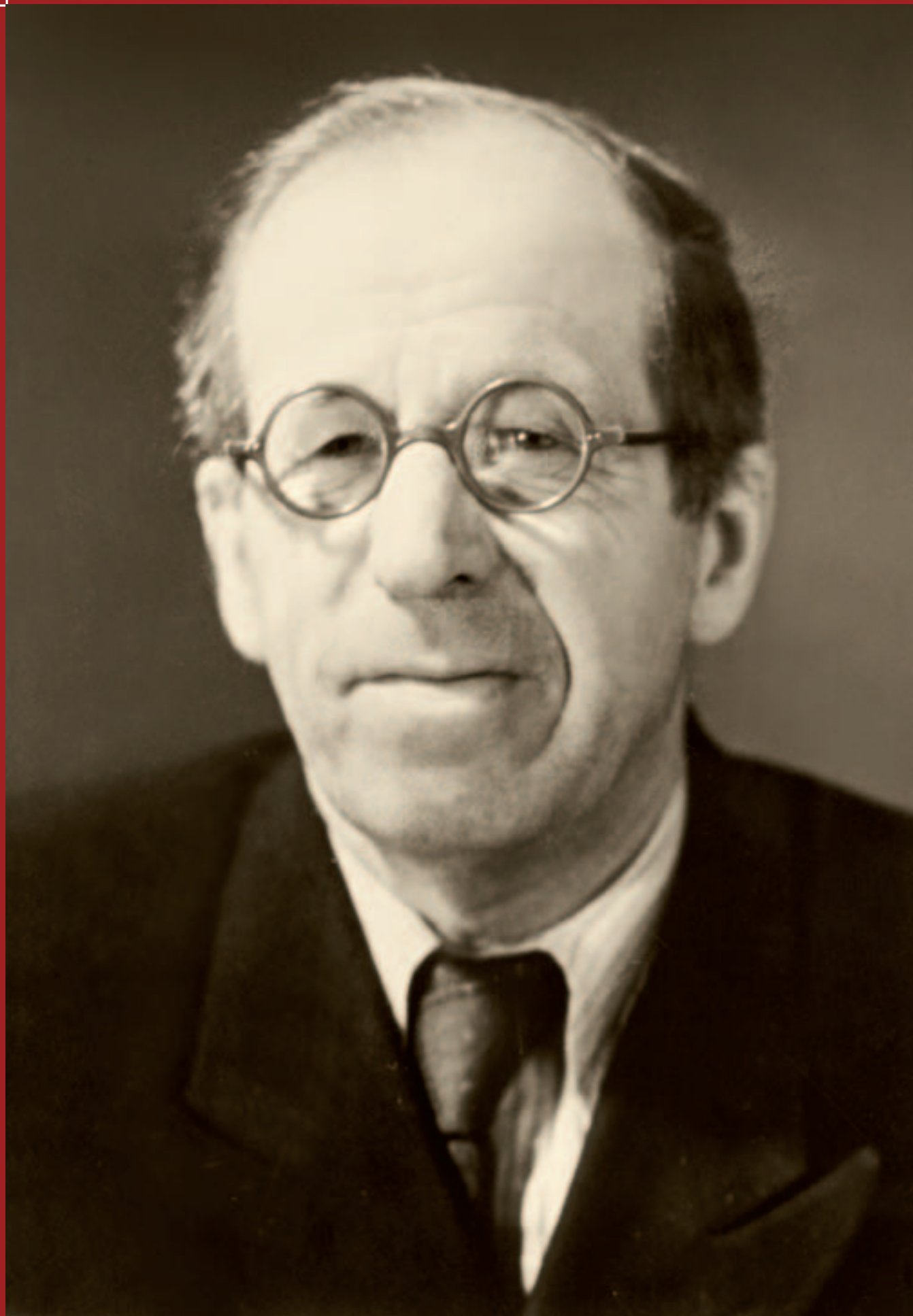
Молодой основатель новгородской археологии тогда не разобрался в том, что он раскопал: **«Мне кажется невероятным, чтобы городищенский холм был заселен уже в IX веке, как на этом настанвает традиция. Гораздо вероятнее, что основателями этой крепости были князья, высланные в XII веке в связи с ростом республиканских тенденций в Новгороде»**. По мнению исследователя, **«из рельефа местности видно, что Городище представляло из себя княжеский замок со всех сторон окруженный водой»**. **«Среди найденных предметов, — подчеркивал А. В. Арциховский — нет ни одного, который определенно указывал на время, более древнее, чем XII век»**, а в траншеях **«совершенно не было керамики, сделанной от руки или даже не целиком на кругу»**. Однако это не так, о наличии лепной керамики в траншеях сам же А. В. Арциховский указывал в своих полевых дневниках и в отчете. Негативная оценка А. В. Арциховским наличия ранних материалов на Городище явилась основой всей исследовательской политики Новгородской экспедиции в отношении Городища на последующие годы.

Начав исследования на Славне в 1932 г. в поисках древнейшего Новгорода, А. В. Арциховский вместе с М. К. Каргером писали: **«Раскопки 1932 г. в Новгороде, доказали окончательно, что Новгород может быть местом больших стационарных раскопок, подобно античным городам юга СССР»**. Исследователи утверждали: **«Новгород должен стать своеобразной Ольгией для феодальной Руси ... сохранность разновременных деревянных сооружений открывает блестящие перспективы. Древний деревянный Новгород лежит под землей и ожидает раскопок. Дома, мастерские, лавки, дворы, улицы вечевое периода — все это из области сказочной романтики перейдет в область науки. Для изучения истории хозяйства средневекового Новгорода создадутся гораздо более благоприятные условия»**.

Проведение раскопок 1932 г. было обусловлено несколькими задачами: исследование жилых сооружений и производственных построек, техники и организации ремесла, изучение «социальной топографии» города и, наконец выявление, и исследование событий его древнейшей истории. А. В. Арциховский и М. К. Каргер отмечали: **«Число участков города, на которых нужно и можно производить раскопочные работы достаточно велико. Ремесленные концы города, Детинец, Городище, Ярославово Дворище, Перынский скит и Славенский холм являются центрами, привлекающими максимальное внимание исследователя древнего города. Совершенно очевидно, что начинать работы одновременно во всех или хотя бы в нескольких центрах было невозможно. Приходилось выбирать. Работы 1932 г. велись на Славенском холме. Славенский холм по представлениям, основанным на анализе исторической топографии города, с одной стороны, и древнейших норманнских и немецких источников, с другой, уже давно казался исследователям местом древнейшего славяно-финского поселения, еще не носившего даже имени Новгорода. Но гипотеза эта не имела самого главного основания — изучение стратиграфии культурных слоев Славенского холма»**. Итак, одним из важнейших вопросов, который хотела рассмотреть первая совместная экспедиция ГАИМК и ГИМ, был вопрос о древнейшем городе. Такая цель экспедиции была вполне понятна по-

Михаил Константинович Каргер. 1940

Григорий Павлович Гроздилов. 1940

сле первого опыта работ А. В. Арциховского в 1929 г. на Городище, в которых он был разочарован.

Никаких ранних материалов, подтверждающих основание Новгорода на холме, прилегающем к церквям Ильи, а также Петра и Павла на Славне, не было найдено. Как отмечал М. К. Каргер, **«попытки найти это поселение IX–X вв. на Славенском холме не увенчались успехом. Пришлось перенести поиски поселения на другую территорию»**. Показательно, какие итоги подвел археологическому изучению Новгорода в 1956 году А. В. Арциховский, к тому времени профессор Московского государственного университета, позже член-корреспондент АН СССР. **«... раскопки доказали, что Новгород возник в начале X в., — заключил он, — слоев VIII и IX вв. в Новгороде нет, вопреки ожиданиям ученых и в полном соответствии с названием города»**.

В 1934 г. на Городище провел свои первые раскопки М. К. Каргер. Ставя перед экспедицией задачу изучения нескольких участков поселения, он непосредственно связывал ее с исследованием проблемы возникновения Новгорода. Один небольшой раскоп находился на мысу Городища, два других — в возвышенной части памятника.

М. К. Каргер пришел к совершенно другим выводам, чем А. В. Арциховский: **«Раскопки 1934 г., неоспоримо раскрывают непрерывную историю Городища с IX в.»** и **«... позволяют думать, что отбросив необоснованный скептицизм в отношении к этому памятнику, нужно приняться, наконец, за его систематическое археологическое изучение, которое, наряду с изучением древнейших слоев самого Новгорода, подведет нас, наконец, к решению, издавна волновавшей проблемы: по отношению к какому более древнему поселению Великий Новгород стал Новым городом»**.

В том же 1934 г. М. К. Каргер также начал раскопки и у северной стены церкви Благовещенья 1343 г., которая была возведена на месте разобранного храма 1103 г. Исследователь полагал: **«... находка древнейшего памятника княжеского строительства на Городище даст надежду найти поблизости от него и остатки княжеского двора новгородских князей»**. Фундаментов храма 1103 г. исследователь не обнаружил, но раскрыл частично развал стен.

Заключение о наличии на Городище работы слоев IX–X вв. в 1935 г. подтвердил Г. П. Гроздилов, возглавивший экспедицию, формально начальником которой был В. И. Равдоникас, занятый тогда на других раскопках. Был изучен довольно значительный участок в мысовой части поселения, рядом с местом работ М. К. Каргера. Г. П. Гроздилов профессионально разобрался со стратиграфией слоев в данной части поселения, грамотно уточнил выводы, сделанные А. В. Арциховским и М. К. Каргером относительно слоев памятника. После его работ юго-западная часть Городища на долгие годы осталась наиболее изученной его частью. Г. П. Гроздилов полагал, что мыс в раннем средневековье был заселен раньше других мест на Городище. В этом он ошибался.

В дальнейшем в разные годы небольшие исследования культурного слоя на Городище, проводили профессор Новгородского государственного педагогического института С. Н. Орлов, старший научный сотрудник Института археологии АН СССР М. Д. Полубояринова, научный сотрудник Новгородского государственного

го музея-заповедника Н. П. Пахомов, продолжил их и М. К. Каргер. Эти работы, которые точнее называть шурфовками, подтверждали наличие на Городище слоев X в., а возможно, и более ранних, что совпадало с предшествующими выводами М. К. Каргера и Г. П. Гроздилова.

Изучение Городища, однако, так и не стало равноправной частью новгородской археологии, хотя вопрос о соотношении Нового города и Старого города (Новгорода и Городища) не потерял ни своей актуальности, ни остроты.

В 1977 г. В. А. Янин, ставший с 1962 г. руководителем Новгородской экспедиции, констатировал: **«На протяжении последних лет раскопки были проведены на четырнадцати участках, расположенных, как в центре, так и на периферии Новгорода (в пределах его валов) и только на трех из них были обнаружены древнейшие прослойки X в.»**. Практически 20 лет спустя был подтвержден вывод, сделанный А. В. Арциховским об отсутствии в городе культурных отложений синхронных первым сообщениям летописей. Сохранявшийся скептицизм относительно наличия на Городище слоев IX–X вв. отчасти можно объяснить лишь тем, что материалы раскопок М. К. Каргера и Г. П. Гроздилова остались, по существу, неизданными и не систематизированными, а материалы последующих шурфовок стали появляться в печати лишь в начале 1970-х годов.

Только в 1975 г. Новгородская областная экспедиция Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН) под руководством Е. Н. Носова начала планомерное изучение Рюрикова городища, которое продолжается вплоть до наших дней. Были предприняты исследования памятника широкой площадью в его центральной части, самой нарушенной из всех, проведены работы при переходе от городищенского холма к мысу, где имеются самые мощные напластования и сохраняются органические остатки. Выяснилось, что перемешанные слои хранят массу древних предметов, в том числе уникальные находки, и хотя многие утраты невозможны, результаты исследований превзошли все ожидания.

Были получены новые данные о стратиграфии Рюрикова городища, его топографии, материальной культуре, датировке. Совершенно неожиданно для археологов удалось обнаружить древние укрепления Городища — ров, окружавший мысовую площадку поселения, от основания которого поднимались два ряда дубовых срубных конструкций.

Огромный интерес представляют материалы, характеризующие начальные этапы существования поселения в IX–X вв. От этого времени на мысу городищенского холма сохранились слои с органическими остатками, в которых найдены основания построек, в том числе уличные хлебные печи, предметы и изделия из дерева, бересты, кожи и кости. Явственны следы ремесленного производства, в том числе из железа, бронзы и золота. Удалось получить несколько дендрохронологических дат, провести радиоуглеродное датирование, что поставило окончательную точку в спорах о хронологии поселения. Собраны и проанализированы материалы по палеозоологии и палеоботанике. В высокой части Городища, к югу от церкви Благовещения раскопаны углубленные основания крупных построек, располагавшихся в зоне собственно княжеского двора. Все это открыло новые перспективы в изучении Рюрикова городища и как первого дружинного и торгово-ремесленного центра Приильменя и как загородной резиденции новгородских князей.

Евгений Николаевич Носов. Новгородская археологическая экспедиция. 2002

Валентин Лаврентьевич Янин и Петр Григорьевич Гайдуков. 2011

Материалы раскопок Рюрикова городища стали входить в международные каталоги древностей, а сам памятник ныне справедливо рассматривается как один из ключевых археологических объектов Восточной Европы.

Большой вклад в изучение сфрагистического материала Городища внес академик РАН В. Л. Янин. Его фундаментальные своды вислых свинцовых печатей и многочисленные статьи составляют надежный фундамент отечественной сфрагистики, основывающейся, по- существу, на материалах Рюрикова городища. В последние десятилетия к этой работе активно подключился ученик В. Л. Янина член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков. Его настойчивость и самоотверженность в стремлении собрать все вновь поступающие сведения (порой почти недоступные) о сфрагистике и нумизматике Рюрикова городища и всего Новгорода высоко оцениваются специалистами.

... БОЛЕЕ 110 ЛЕТ ПРИВЛЕКАЕТ ВНИМАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, АРХЕОЛОГОВ ЭТОТ ВЫДАЮЩИЙСЯ ПАМЯТНИК НАШЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ДРЕВНЕЙШИЙ НОВЫЙ ГОРОД ВРЕМЕН ПЕРВЫХ РУССКИХ КНЯЗЕЙ, УПОМИНАВШИЙСЯ НА СТРАНИЦАХ ЛЕТОПИСЕЙ. ВЕДУЩИЕСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ ОТКРЫВАЮТ НОВЫЕ ГРАНИ ВЕЛИКОЙ СУДЬБЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.

РАННЕЕ
ГОРДАТШЕ
IX-X вв.:
собрание
и единение «ЗЕМЛИ»

«Главное, начальное явление в основании государства — это соединение разрозненных племен чрез появление среди них сосредоточивающего начала, власти»

В расширительном толковании этого известного утверждения выдающегося отечественного историка, академика Сергея Михайловича Соловьева — процесс рождения государства предполагает сложение территориальной общности на основе создания единого экономического пространства, административного управления и формирования особых институтов публичной власти, осуществляющих судебные, военные и культовые функции.

Роль скрепляющего начала в этом процессе на заре зарождения российской государственности играли города-поселения особого типа, со временем ставшие средоточием власти. Одним из таких поселений, своеобразным, по известному образному выражению, «узлом прочности», во второй половине IX в. было Рюриково городище. Многолетние археологические исследования этого древнего укрепленного поселения позволили установить время его возникновения и проследить процесс роста, выявить элементы планировки и характер укреплений. Анализ накопленного материала позволяет получить сведения о социальном статусе, этническом составе жителей, о характере их деятельности, быта, хозяйстве и торговых связях.

Результаты археологических изысканий на Рюриковом городище дают возможность реконструировать тот историко-культурный фон, на котором происходили события политического и социального характера — расслоение общества, становление государственных институтов.

Уникальность Рюрикова городища как центра зарождения российской государственности проявляется и в широком спектре воинской и бытовой материальной культуры, прежде всего, дружинной культуры, и в приоритетах сферы деятельности его обитателей — торговля, ремесло, военное дело.

Наличие такого комплекса свидетельств, фактов материальной культуры — это важнейшая возможность подтвердить или поставить под сомнение те или иные сообщения существующих письменных источников.

Коллекция находок, полученная в результате археологических исследований Городища, по своему составу и качеству изделий подтверждает его особое место, особое «лицо» среди известных крупных поселений лесной зоны Восточной Европы.

на стр. 34–35
Свинцовое навершие булавки
в виде головы дракона.
4,8×6,7 см

на стр. 36
Радзивиловская летопись.
Миниатюра «Передача Рюриком перед
смертью княжения своему родственнику
Олегу и назначение его опекуном своего
малолетнего сына Игоря»

на стр. 38–39
Общий вид на Городище от Нередицы.
2004

Крепостное обустройство Городища

Все возвышенности в истоке Волхова, на некоторых из которых находились древние поселения, в том числе и Рюриково городище, как правило, представляли собой плоские всхолмления с пологими склонами, плавно поднимающимися над ежегодно заливаемыми весной лугами. (Такую особенность городищенского холма, расположенного на плоском пойменном острове, сохранившуюся и поныне, можно увидеть, глядя на исток Волхова от церкви Спаса Преображения на Нередице.)

Без искусственных укреплений в мысовой части возвышенности территория поселения оставалась, по существу, незащищенной как от стихийных явлений, так и от внезапных набегов.

Занимавшее значительную часть холма и весь мыс возвышенности Рюриково городище с княжеской резиденцией — хоромами князя, административными и хозяйственными строениями, а также помещениями дружины, благодаря своему самому выгодному среди других поселений в истоке Волхова топографическому и стратегическому положению, стало ключевым военно-административным контролирующим пунктом на великом водном пути.

Обустройство Городища предполагало выполнение уникальных для своего времени инженерных работ. Строители преследовали две главные цели: усилить оборону поселения и расширить территорию крепостной части. В некоторой степени присутствовала и третья цель — обеспечить гидротехническую защиту холма во время паводков, обусловленных природными особенностями истока Волхова и Ильмена.

Для возведения в целях защиты в мысовой части Городища двух рядов деревянных конструкций были привлечены сотни городников — так именовали строителей деревянных укреплений.

Внутренний — у основания вырытого рва — ряд представлял собой трехстенные дубовые срубы, не замкнутые со стороны холма. Перед рядом трехстенных срубов был установлен второй внешний ярус деревянных конструкций. (От них ныне уцелели ряды поперечных стенок, находившиеся на расстоянии одного-двух метров друг от друга.)

Вместо пологого склона появилась мощная оборонительная деревянная стена высотой не менее 4 м, увеличилась и площадь цитадели. Всё сооружение в определенной мере стало выполнять и функцию защиты от напора водной стихии.

На изученном раскопками участке рва в центральной возвышенной части Городища, к юго-востоку от церкви Благовещения, деревянных конструкций зафиксировать не удалось, видимо, потому, что здесь органические остатки не сохранились в слоях песка и суглинка. Ров здесь имел ширину около 30 м. Он просуществовал до конца XI в., когда был засыпан при перепланировке Городища.

Намного раньше, на рубеже IX–X вв., при всей внешней монументальности прочного дубового панциря грандиозное оборонительное и гидротехническое сооружение, возведенное фактически на песке у самого склона холма, не устояло и прекратило свое существование. Его строительство более не возобновлялось.

Это не имеющее прямых аналогов деревоземляное укрепление Рюрикова городища — одно из древнейших сооружений подобного рода на территории Руси имеет исключительную важность как уникальный образец складывавшихся традиций древнерусского крепостного строительства. Самым примечательным является то, что деревянная оборонительная стена возводилась от подножия возвышенности, а не на ней. Аналогия подобному инженерному решению была выявлена неожиданно.

Киевский исследователь В. К. Козюба при анализе архивных материалов раскопок 1908–1911 гг., произведенных Д. В. Милеевым в детинце древнего Киева, установил, что в те годы также была открыта сложная «перекладная» деревянная конструкция во рву. Многоярусное дубовое сооружение поднималось от уступа в нижней части рва до площадки детинца, а возможно и выше. Но сам вал не сохранился. Определенно зафиксированы 12 ярусов конструкций. По мнению В. К. Козюбы, Старокиевское городище было сооружено в VIII в. или на рубеже VIII–IX вв.

Подобные археологические свидетельства показывают, что в конце I тысячелетия н.э. в двух главных центрах зарождения государственности на Руси — Киеве и на Новгородской земле (Рюриково городище) — одновременно возводятся мощные оборонительные сооружения с использованием одинакового инженерного решения.

Расчистка дубовых укреплений в мысовой части Городища. 2002

Остатки двух рядов дубовых конструкций у подножия городищенского холма. 2002

Развал деревянных крепостных укреплений в мысовой части Городища. 2002

Стратиграфический разрез восточного склона древнего рва на городищенском холме юго-восточнее церкви Благовещения. 2010

Разрез древнего рва с культурными напластованиями X в. 2007

Щит и меч княжеской власти

Уникальные крепостные сооружения были созданы для защиты Городища. Его непосредственная оборона лежала на плечах княжеской дружины. Дружина была военной опорой князя, всегда готовой к его поддержке в обороне от врагов, обеспечении внутреннего порядка, соблюдении законов, охране торговых путей, освоении новых земель и дальних походах. Этот воинский контингент из многих десятков человек, составлявших, по существу, особое дружинное сословие, стал и носителем своей, сформировавшейся на Городище дружинной культуры.

«Военно-дружинное устройство», как называл его выдающийся ученый и просветитель академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, и представляло собой тот этнокультурный феномен, проявившийся во всем многообразии воинской, бытовой, культурной культуры, ремесленничества и других видов деятельности.

Воинскую культуру характеризуют *предметы вооружения, доспехов, снаряжения боевых коней*, принадлежавшие членам княжеской дружины, находившейся на Городище IX–X вв. Состав и набор таких предметов, полученных в результате многолетних археологических изысканий, подчеркивают исключительность этого памятника древности. Тем более высока значимость коллекции, что, как известно, на поселении находка целой вещи, неразрушенного изделия — большая редкость. В основном, исследователи имеют дело с обломками, ремесленным браком, фрагментами утраченных изделий. Оружие, доспехи являлись ценностью, бережно хранимой княжеским дружинником. Была недопустима потеря щита или меча, уздечки с роскошной бронзовой гарнитурой. Эти вещи имели не только высокую материальную стоимость, но и являлись престижными для их обладателей, подтверждая их высокий социальный статус.

Конструктивные и декоративные особенности предметов воинской культуры и вооружения, принадлежащих дружинникам Рюрикова городища свидетельствуют о полиэтническом составе дружины: хотя скандинавский компонент в ней на начальном этапе русской истории явно преобладает.

Наконечники ножен мечей — один из них с декоративным орнаментом, второй — с изображением птицы в геральдической позе, выполнены в северо-европейском стиле, бронзовые детали декора кожаных ремней с зооморфными украшениями, декоративные крючки, предназначенные для крепления подвязок, выполненные в виде звериных масок, позолоченная накладка от конской сбруи характерны для стиля Борре, популярного в средний период эпохи викингов.

К конскому снаряжению относится также железный псалий с латунной инкрустацией. На боковом его щитке два отверстия — через одно пропускали петлю грызла, а другое служило для скрепления с ремнем оголовья. Удила с подобными псалиями были заимствованы от южных кочевников и получили распространение в Европе в эпоху Великого переселения народов. В IX–X вв. они были популярны у разных народов от Саян и Алтая на востоке до Польши и Венгрии на западе.

Бронзовый предмет крестообразной формы с антропоморфным изображением, судя по аналогии в могильнике Бирка, представляет собой одну из декоративных заклепок для фиксации рукоятки щита к его основе.

Двушипные втульчатые наконечники стрел характерны для западнославянского мира — традиция их использования была привнесена с западных рубежей Древней Руси. Ланцетовидные наконечники стрел были типичны для скандинавских воинов.

Бронзовая декоративная заклепка от щита.
3×4,2 см

Наконечник ножен меча.
Бронза. 4×4,8 см

46

Наконечник ножен меча.
Бронза. 4×4,5 см

47

Накладка от конской сбруи.
Бронза с позолотой. 2,2×4,4 см

Железный псалий с латунной инкрустацией.
4,6×10,2 см

Квадратная накладка с рельефным
геометрическим орнаментом.
Бронза. 1,3×1,4 см

Англо-саксонский наконечник ремня.
Бронза. 0,5×3,1 см

Элемент наременного украшения.
Бронза. 1,2×4,5 см

Железные черешковые наконечники стрел.
6,7-19,2 см

Железные двушипные втульчатые
наконечники стрел.
6,7-7,7 см

Непосредственной весьма значимой частью воинской дружинной культуры была культура *украшений военного снаряжения, костюма*.

Не только богато украшенные серебром и медью мечи, конская сбруя боевого коня, но и роскошные булавки и застежки показывали принадлежность воина к высшему слою местного общества, подчеркивали высокий статус члена княжеской дружины.

Украшения изготавливались, как правило, индивидуально по восковой модели, поэтому среди них нет ни одной пары идентичных между собой изделий.

Наиболее характерными атрибутами костюма жителя Городища были используемые для скрепления плаща массивные подковообразные фибулы (игла фибулы прокалывает ткань и фиксируется на дуге), а также кольцевидные булавки (кольца на которых являются декоративным элементом). Судя по находкам, произведенным при археологических исследованиях шведских погребений VIII–IX вв. (могильник при городище в Бирке — первой столице древних свеев), кольцевидные булавки скрепляли плащ на правом плече, что давало свободу правой руке.

В отличие от подобных значительно более скромных украшений, используемых мужской частью населения скандинавских поселений в Швеции, эти элементы костюма дружинников Рюрикова городища демонстрировали как высокое положение некоторых членов дружины, так и все более проявляющееся расслоение общества.

Подковообразные фибулы имели распространение среди различных народов региона Балтики, хотя, например, фибула со звериными головками является редким экземпляром. Подобные украшения встречаются в Средней Швеции и на шведском о. Готланде. За пределами Швеции они были известны на территории Германии, Норвегии, Финляндии, Пруссии. Городищенская фибула в наибольшей степени похожа на находку из шведского могильника Бирка. Кольцевидные булавки были обычным типом мужских застежек в эпоху викингов. Они восходят к ранним примитивным булавкам из костей животных. На территории Руси булавки имеют скандинавское происхождение. На Городище обнаружено около 30 кольцевидных булавок — самое значительное число подобных украшений, найденное на поселении в Восточной Европе. Определенная изысканность изделий — более половины из них украшены роскошными зооморфными орнаментами — отражает не столько этнический, сколько социальный состав населения Городища: здесь концентрировался высший слой местного общества со своим окружением и контингентом варягов из различных социальных слоев.

Подковообразные фибулы со спиральными концами.
Бронза. Ø 4,7 и 4,3 см

Подковообразные фибулы с гранеными концами.
Бронза. Ø 7,5 и 6 см

Подковообразная фибула со звериными головками.
Бронза. Ø 6,8 см

Части кольцевидных булавок.
Бронза. 8,8 см, кольца Ø 4,4 и 4,8 см

ТОРГОВЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК ВОДНЫХ ПУТЕЙ

В отличие от сельских поселений Приильменя, обитатели которых жили замкнутыми небольшими коллективами и вели натуральное хозяйство, Рюриково городище являлось ключевым пунктом на главном восточноевропейском континентальном пути между странами Центральной Азии и Балтийским регионом — балтийско-волжском пути, начавшим функционировать в VIII в. В IX в. стал складываться еще один важнейший водный маршрут на юг — путь «из варяг в греки», который тоже шел из Балтики по Волхову. Жители Городища участвовали в дальней торговле, ремонте судов, принимали иноземных купцов, то есть находились в самой гуще деловой жизни, происходящей в истоке Волхова.

Одно из свидетельств активных торговых связей — более 200 целых и фрагментированных экземпляров и три небольших клада восточных серебряных монет — дирхемов, найденных на Городище. Это монеты первой волны их поступления на Русь. Первое проникновение арабского серебра в Восточную Европу началось в 70-е — 80-е гг. VIII в.

Дирхем, самая распространенная монета раннего Средневековья, имевшая хождение на огромном пространстве от Средней Азии до Ирландии и от Норвегии до Египта, нередко использовалась как расчетное средство по частям: ее рубили на половинки и четвертинки и расплачивались по весу. На Городище для этого неоднократно применяли встречавшиеся среди находок гири-разновесы и весы (были найдены их части).

Наряду с дирхемами найдены редкая монета из Хорезма, отчеканенная при хорезмшахе Азакцваре, правившем в последней четверти VIII в., а также большой фрагмент серебряной древнеиранской (сасанидской) драхмы Хосрова I (правившего в 571–579 гг.) и две драхмы VII в. — времени правления арабских наместников Ирана (так называемые арабо-сасанидские драхмы).

О проложенном пути «в греки» и «из греков» свидетельствует пять византийских монет IX в., в том числе серебряная монета времени императора Василия I Македонянина (867–896 гг.), использовавшаяся в качестве женского украшения как подвеска, и четыре медные монеты — фоллисы — времени императора Феофила, правившего в 829–842 гг. Монеты Феофила мелкого номинала предназначались для местного обращения в Византии и были привезены на север в качестве своего рода памятных знаков — сувениров.

По водному пути с юга — уже в X в. — привозили на Рюриково городище и такие заморские деликатесы, как грецкие орехи, миндаль и даже персики.

Торговыми путями доставлялись на Рюриково городище и различные женские украшения: дорогие сердоликовые и хрустальные бусы, приобретаемые, вероятно, у арабских купцов

в Волжской Булгарии. О связях населения Городища с финно-угорским населением Пермского края и Среднего Поволжья свидетельствуют находки кресала с бронзовой рукоятью, с изображением двух всадников, застёжка — сюльгама и отдельные зооморфные украшения. Различного типа равноплечные фибулы поступали из Средней Швеции через западную Финляндию, северную Эстонию, древнюю Ладогу. По этому же северо-европейскому пути, проходившему через территорию Эстонии, на Городище были привезены чернолощенные миски, янтарь и роговые гребни с резной спинкой, выполненные в прибалтийско-финской художественной традиции.

Первоначальным местом производства односторонних роговых наборных гребней, этой выразительной категории изделий эпохи викингов, являлись мастерские Рейнланда и Фрисландии. Уже в VII–VIII вв. фризские резные гребни вывозились купцами через Северное и Балтийское моря.

В X в. совершенствование технологии производства привело к повсеместному распространению гребней меньших размеров: на смену изготовления гребней из единого рогового спила пришла техника соединения наборных пластин.

Некоторые предметы и изделия появлялись на Городище из более отдаленных стран Северной и Западной Европы. Так, скорее всего, из Норвегии на землю Городища попал моржовый клык с нанесенными на него знаками и изделия из камня-жировика.

... Все многочисленные свидетельства интенсивной внешней торговли, экономической деятельности населения Рюрикова городища при опоре на княжескую дружину, обеспечивающую безопасность торгового пути и административный контроль, подтверждают, что это поселение становилось центром формирующейся новой территориальной общности.

Равноплечная фибула типа Вальста.
Бронза. 2,7×6,6 см

Медная монета фоллис византийского императора Феофила (829–842), Константинополь, найденная в 2012 г. на месте установки памятного знака «Княжий камень» на Рюриковом городище, — это выдающаяся по значимости находка, подтверждающая факт существования в ранний период сквозного пути «из варяг в греки». На аверсе монеты — поколенное изображение императора впрямь, по сторонам надпись «Феофил Василевс [царь]», на реверсе — четырехстрочная надпись «Феофил Август побеждай».

Медная византийская монета с изображением императора Феофила. Ø 2,8 см

Особый интерес представляют роговые гребни с декоративным орнаментом. Спинка одного из них украшена изображениями головок птиц, второго — в виде зигзагообразных переплетающихся лент.

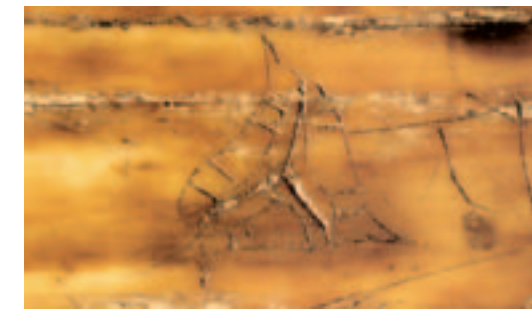
Роговые финские гребни с зооморфными украшениями. 5,6×5,7 см, 5,6×5,9 см

Моржовый клык из слоя первой половины X в. Городища — самая ранняя подобная находка на территории Руси. На клыке процарапаны имеющие сакральный смысл знаки, восходящие к традициям культуры кельтов Британских островов: «трискелион» (равносторонний треугольник, образованный «тремя ногами») и «валькнут» (символ из трех вписанных один в другой треугольников). Клык являлся, предположительно, атрибутом ритуальных обрядов. Трасологический анализ следов на клыке показывает, что предмет активно использовался и, судя по характеру полировки его поверхности, долгое время находился в мягкой сумке или мешке.

Моржовый клык с сакральными изображениями.
3,6 × 5,6 × 28 см

Знаки «трискелиона» и «валькнута»,
изображенные на моржовом клыке

ЦЕНТР РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ ПРИИЛЬМЕНЬЯ

Несмотря на то, что Городище изначально развивалось в сгустке славянских земледельческих поселений, образовавших ядро будущей Новгородской земли, его облик определяло не сельское хозяйство, а вовлеченность жителей в иные виды деятельности, в частности, в ремесленное производство.

Диапазон видов ремесел, которым занимались обитатели Городища, широк: гончарное дело и деревообработка, кузнечное и ювелирное дело, бронзолитейное и косторезное производство.

Характерная для славянской культуры лепная керамика мастеров Городища была аналогична керамике сельских поселений центрального Приильменья и Поволховья. Только единичные фрагменты сосудов могут быть атрибутированы как скандинавские или финские по происхождению.

Производство керамики на гончарном круге начало распространяться среди славян Восточной Европы в 30–е гг. X в. Гончарный круг был привнесён в Поволховье с территории балтийских славян (в отличие от Поднепровья, куда он пришёл от славян Центральной Европы). В изделиях *гончарного производства* отчетливо выступали черты западнославянской керамической традиции.

Городищенские ремесленники при изготовлении отдельных предметов широко использовали технологические методы и приемы, зародившиеся в мастерских Северной Европы. Именно из стран Балтийского региона шли культурные импульсы и заимствованные производственные инновации, которые позже начинают распространяться на территории всей Древней Руси. В частности, при изготовлении ножей, ключей, шильев, псалий и других железных предметов в качестве декора делались многогранные перемычки, иногда покрытые бронзой. Некоторые изделия инкрустированы бронзовыми и латунными вставками и проволокой.

В производстве ножей использовали «трехслойный пакет» (наварку на стальную основу боковых железных пластин).

Для скрепления клинкерной обшивки судов скандинавского типа мастера поселения изготавливали из железа ладейные заклепки, что было нехарактерно для славян: обычно применяли деревянные заклепки — нагели.

Профессиональные ремесленники Городища — кузнецы, ювелиры обслуживали потребности не только жителей поселения, но и ближайшей округи.

Было развито *бронзолитейное производство*: многочисленны находки тигельков, каменных и глиняных литейных формочек, глиняных льячек — ложек для разлива металла по формам, использовались и восковые модели при отливке изделий в скандинавском стиле. Среди находок — и различные инструменты, а также производственный брак. (При археологических раскопках 2006–2010 гг. удалось локализовать

В формочках из мыльного камня (стеатита) и в глиняных формочках отливались украшения и слитки цветного металла, которые в качестве сырья хранились у мастера. Оттиски на глиняных формочках показывают, что часть подвесок отливалась по скандинавским образцам. Для получения в глине качественного оттиска мастеру необходимо было иметь специальную модель или оригинал вещи. Примером может быть маленькая круглая фибула с орнаментальной композицией на лицевой стороне, выполненной в стиле Еллинга. Она являлась образцом для тиражирования серии таких украшений, но сама никогда не использовалась как застежка. Примером некачественного изготовления служит фибула, найденный фрагмент которой здесь показан. При неотчетливости изображения прослеживаются контуры двух голов — мужской с усами и звериной. Это изделие имеет прямую аналогию в Верхнем Поднепровье (Гнездово). Тигель в виде круглого цилиндрического стакана с округлым устьем, льячка — ложка для разлива металла, сохранившаяся полностью, а также глиняная формочка для изготовления пунницы и круглой ажурной подвески и ювелирные клещи — находки 2006–2010 гг.

Литейная формочка для изготовления подвесок.
Глина. 7,5×10 см

Льячка.
Глина. 3,8×6,6 см, высота 3,7 см

Каменная формочка.
Стеатит. 5,2×7,4 см

Тигель.
Глина. Ø 4,7 см, высота 7 см

Фибула, модель для отливки.
Бронза. Ø 2,7 см

Производственный брак –
неудачные отливки украшений.
Бронза. 2,3×8,2 см; 2,6×6,9 см; Ø 4,3 см

Зубила.
Железо. 0,9×6,3 см; 0,8×14,3 см; 0,9×11,8 см

Клещи.
Железо. 3,1×21,6 см, ширина губ 3,1 см

Перовидное сверло.
Железо. 2,5×28 см, ширина рабочей части 2,2 см

Спиральное сверло.
Железо. 0,5–0,9×14 см

один из производственных участков Городища за пределами раннего поселения на краю рва. Культурный слой, сброшенный в этом месте в ров, был насыщен многочисленными шлаками, крицами, обломками тиглей.)

Показательны чрезвычайно редко встречающиеся в лесной зоне Восточной Европы находки, свидетельствующие об использовании в ювелирном деле золота — это обрывки тончайших перекрученных золотых нитей, фрагменты проволоки и фольги.

Потребность в ювелирных изделиях и наличие таких мастеров на Рюриковом городище X в., свидетельствуют о высоком социальном статусе населения поселка.

Об обработке кости и рога на поселении говорят распиленные заготовки из этого материала, полуфабрикаты гребней с пропилами зубьев и другие незавершенные изделия.

Существовало на Городище и кожевенное производство: в мокром слое середины IX–X вв. на берегу Сиверсова канала сохранились обрезки кожного кроя. Там же были найдены многочисленные деревянные поделки и их детали, а также инструменты для обработки дерева, в частности, сверла, что указывает на развитие и деревообработки.

Обитатели Рюрикова городища занимались также ткачеством, плетением из бересты, другими ремеслами и промыслами.

Проволока, материал для изготовления ювелирных украшений.
Золото. Ø 0,2 и 0,4 мм

Бытовая и сакральная культура обитателей Городища

Повседневный массовый бытовой материал, найденный на Городище, несет на себе особенности славянской этнографической традиции.

Характерные особенности жизни славян проявлялись в приготовлении пищи, в частности, выпечке хлеба. В отличие от славян скандинавы и другие германские народы пищу готовили на открытых очагах, где вместо пышных хлебов получались довольно сухие лепешки.

Хлебные печи, подобные городищенским, известны в слое X в. Ладоги и из напластований средневекового Новгорода. Аналогичные печи имеются на памятниках польского Поморья.

Печи выполняли и культовую роль: при выпечке хлеба около печи совершали обряды, связанные с почитанием огня, хлеба и вообще культа земледелия и плодородия.

Хлеб употребляли на общих трапезах, при всех торжественных случаях жизни, он приносился в жертву богам, использовался при гаданиях.

Печи возводились на разных участках Городища во рву. (Хорошую сохранность они имели в низменной части поселения. При исследовании древнего рва в верхней части Городища, где не сохраняются органические материалы, на склоне рва удалось проследить лишь оставшиеся, внутренние части основания печей — каменные поды.)

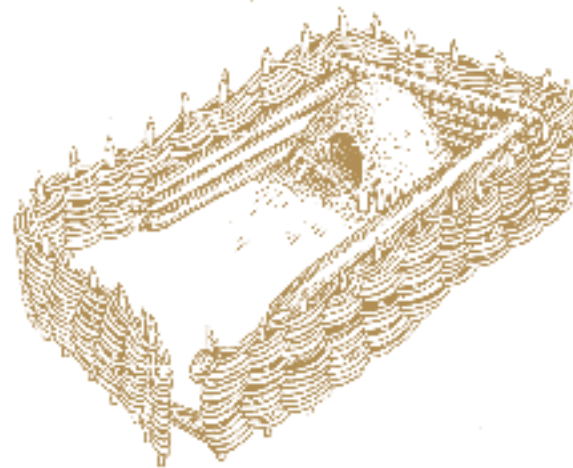
Бревна, использованные для возведения древнейшей печи, были срублены в 889, 896 и 897 гг., а для одной из самых поздних — в 944 и 947 гг.

Поды и сами печи имели округлую форму, размеры пода — от 1×1,2 м до 1,3×1,5 м. Под состоял из плотно уложенных в один ряд нескольких валунов и слоя глины.

Камни накалялись и обеспечивали длительное сохранение тепла подом и всей печью. После того, как угли из печи выгребались, приступали к выпечке хлеба. Вокруг пода вплотную к камням вбивались дубовые или березовые колья, которые служили основой для глинобитных стен и свода печей.

Две печи с трех сторон ограничивались бревенчатыми обносками (стенками) высотой 3–4 венца. Расположение печей было различным — под открытым небом, во дворике со стенами из плетня, в небольшом срубике.

Реконструкция хлебной печи в плетневом дворике во рву на берегу Сиверсова канала

Каменный под хлебной печи на склоне древнего рва в центральной части Городища. 2010

Остатки печи во рву на берегу Сиверсова канала. 1977

О приоритете на Городище бытовой восточноевропейской культуры свидетельствовал и характер применяемой здесь техники срубного домостроительства, которая была характерна для славянского, балтского и финского населения лесной зоны, но отличалась от домостроительной техники скандинавских и других германских народов.

Жители Городища широко использовали в быту предметы обихода, изготовленные ими из металла и дерева.

Предметы бытового назначения, найденные в слое первой половины X в., чаще всего фрагментированы, но некоторые экземпляры имеют хорошую сохранность. В частности, ключ от висячего пружинного замка, стержень которого инкрустирован бронзовой проволокой. Подобная техника орнаментации металлических предметов применялась в IX–X вв. Стержень ключей внутреннего цельнодеревянного замка имел перемычки в виде многогранников. Часто перемычки ключей и других изделий в виде многогранников покрывались бронзой — это североевропейская традиция, и датировка таких изделий не выходит за пределы X в. Роскошной вещью являются найденные в слое первой половины X в. пружинные ножницы. На стержнях ножниц у лезвия и у пружины имеются по два орнаментальных ободка с двумя полосками из оловянисто-свинцового сплава. Сама пружина украшена орнаментированной накладкой. Здесь же находится медное колечко для подвешивания. В отличие от простых неорнаментированных ножниц подобные вещи являются редкостью. К рыболовным снастям относится представленная здесь длинная пластинчатая орнаментированная блесна с крючком на конце. Роговые гребни большого размера, сделанные в Рейнланде и Фрисландии, редки на памятниках Восточной Европы. На Рюриковом городище они также единичны.

Булавка с антропоморфным навершием.
Бронза. 0,9×7,6 см

Ключ от внутреннего замка.
Железо. 5,2×17 см, ширина стержня 0,8 см

Ключ от пружинного замка.
Железо с бронзовой инкрустацией.
2,4 × 11,6 см, ширина стержня 0,6–1 см

Орнаментированная блесна.
Бронза. 1,5×10 см

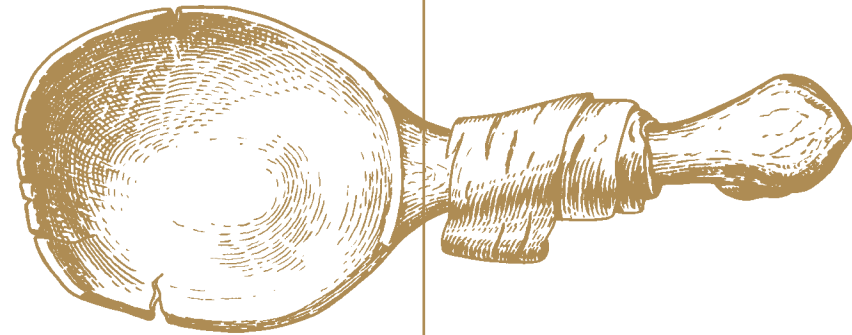

Орнаментированные пружинные ножницы.
Железо с оловянисто-свинцовыми
накладками.
1,1×15,5 см, ширина пружины 3,8 см

Односторонние наборные гребни
(в центре ранний фризский гребень).
Рос. 2,7×10 см, ширина спинки 1 см;
3,2×20 см, ширина спинки 2,4 см;
3×10,2 см, ширина спинки 0,9 см

Среди предметов быта на Городище были изделия из дерева. Подлинный интерес среди находок представляют ковш с украшением на ручке, подобным широко бытовавшим в Новгороде в X–XI вв., а также корыто для кормления домашнего скота.

Ковш, изогнутая ручка которого была украшена на конце стилизованной мордой дракона, датируется первой половиной X в. Ручка треснула еще в древности, поэтому ее перетянули полосой бересты.

Деревянное долбленое корыто для кормления животных было найдено прислоненным к стене построенного после 911 г. сруба с глинобитной печью. Корыто разделено поперечной перегородкой на две половины, в каждой из которых вырублены по четыре овальных углубления, то есть оно могло служить для кормления сразу нескольких животных.

Гребень интересен тем, что был изготовлен из привозного материала самшита и по форме полностью копирует большие фризские роговые гребни. Он найден в слое конца IX–X вв. В том же слое обнаружена круглая плоская точеная миска с вырезанными на ней знаками, как с внутренней стороны, так и с внешней стороны донца. Копыт — стойка между полозьями саней и сидением, орнаментированная резным плетеным узором, многократно встречается в ранних слоях Новгорода.

Особый интерес вызывает небольшая плоская дощечка с позолоченным плетеным орнаментом, представляющая собой деталь некой роскошной вещи, назначение которой не установлено.

Ковш.
Дерево. Длина 32 см,
длина ручки 17,5 см

Корыто.
Дерево. 30–37×123 см, высота 20 см

Точеная миска.
Дерево. Ø 21,5 см

Дощечка с позолоченным плетеным
орнаментом.
Дерево. 3,8–4,8×17 см

Копыт от саней.
Дерево. 2–9 × 33 см

Гребень.
Самшит. 3,6×23,5 см

Обломок рукояти с вырезанной звериной
мордой.
Дерево. 3,2×7,1 см

Обязательным атрибутом мужской и женской одежды были различного вида *украшения*. Детали одежды выходцев из Скандинавии, живших на Городище семьями, имели свои отличительные черты. Для женского убора был характерен специфический набор фибул.

Популярным видом женских украшений были подвески, накладки, перстни с различным орнаментом. Круглые подвески часто включались в монисты между бусами.

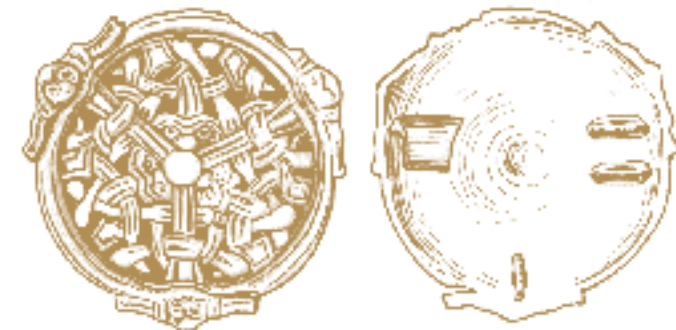
Металлические украшения славянского круга на Городище очень редки. К ним относятся лишь отдельные височные кольца, подвески, перстни, что закономерно, так как исконный костюм славян отличался скромностью и простотой.

Пластинчатый широкосрединный перстень с завернутыми усиками.
Бронза. Ø 2,3 см, ширина щитка 0,7 см

Овальные скорлупообразные фибулы носились попарно, по одной на каждом плече. Они крепились к бретели верхней сарафанообразной одежды. Между ними на груди располагалась равноплечная фибула или большая круглая. Овальные фибулы часто соединялись нитями из стеклянных, хрустальных и сердоликовых бус, среди которых нанизывались металлические подвески. В средний период викингов появляется также традиция крепить нижнюю рубаху у горла маленькими фибулами. Самыми распространенными были маленькие круглые и подковообразные застёжки. На Городище встречены все типы украшений, характерные для женского скандинавского костюма. Кроме того, в коллекции имеются две небольшие бронзовые застёжки неправильной формы в виде свернувшегося зверя, которые, скорее всего, относятся к женским деталям одежды.

Большая круглая скандинавская фибула, выполненная в стиле Борре.
Бронза. Ø 4,1 см

Фрагменты овальных скорлупообразных скандинавских фибул.
7,2×10,8 см; 4,7×7,1 см

Скандинавские женские фибулы: равноплечная (в центре) и неправильной формы в виде свернувшегося зверя.
2,8×7,8 см; 3×3,2 см; 3×3,5 см

В орнаменте некоторых подвесок, созданных по скандинавским образцам, присутствуют зооморфные сюжеты, среди других исследователи усматривают стилизованное изображение мифологического верховного божества Одина с воронами. Декорировались подвески и растительным орнаментом, и сюжетами, характерными для мадьярского искусства Южного Зауралья. Одним из редких видов подвесок были украшения, имеющие в центре гнездо со стеклянными вкладки.

Круглые подвески:
с растительным орнаментом.
Серебро. Ø 1,4 см;
со стеклянной вставкой в центре.
Оловянисто-свинцовый сплав. Ø 2,6 см;
со звериным орнаментом в стиле Борре.
Бронза. Ø 1,9 см

Круглые подвески:
со стилизованным изображением Одина
и воронов.
Бронза. Ø 2 см
изготовленная из накладки с растительным
орнаментом мадьярского типа.
Бронза. Ø 2,1 см

Низка из хрустальных и сердоликовых бус, найденных при раскопках 2012 г.

К уникальной находке относится сердоликовая инталия с вырезанным на ней изображением. По данным трасологического анализа, резчик, сделавший гравировку, был профессионалом. Гравировка изображения выполнена дисковой фрезой без предварительной разметки. Скорее всего, камень уже был вставлен в оправу перстня. На вставке в схематической форме, буквально несколькими штрихами изображена птица, в клюве которой, как можно предполагать по четырем горизонтальным линиям, обозначена ветка или виноградная гроздь. Сюжет имеет раннехристианское происхождение. Подобные перстни появляются на территории Руси во второй половине X в. Городищенская инталия — одна из самых ранних найденных с христианской символикой.

Сердоликовая вставка-инталия.
0,85×1,1 см

В IX–X вв. до принятия христианства жители Городища были язычниками. Среди культовых предметов, поддающихся атрибуции, многие связаны со скандинавской мифологией. Очевидно, их носили скандинавские воины княжеской дружины в качестве оберегов.

В среде скандинавского населения Городища таким культовым предметом как — амулеты с руническими надписями на них придавалось особое, магическое значение: скандинавы полагали, что с помощью письменных заклинаний можно влиять на судьбу.

Кресаловидная подвеска.
Железо. 2×2,5 см

Древние скандинавы верили в сверхъестественные силы, оказывающие влияние на судьбу человека. Боги были главными среди множества сверхъестественных существ, их представляли в человеческом облике. Верховное божество в скандинавской мифологии — одноглазый Один, всеведущий бог воинов, мудрости, поэзии и битвы. Вторым могущественным богом был его сын Тор — небесный властелин, бог-громовержец. С культом этих богов связаны различные подвески-амулеты: железные кольца с прикрепленными к ним миниатюрными молоточками Тора или кольцами меньшего размера, отдельные молоточки Тора, кресаловидные подвески. К числу уникальных находок относится серебряная фигурка валькирии. По скандинавской мифологии валькирии — девы, определяющие судьбу воинов, которых они после битвы приводили в Валгалл к Одину.

Кресаловидная подвеска и амулет с кольцами.
Железо. 2,2×2,6 см;
основное кольцо Ø 5,6 см,
подвешенные кольца Ø 2–2,2 см

Фигурка «валькирии».
Серебро. 2,4×3,6 см

Амулет с молоточком Тора.
Железо. Ø 5,8 см

Молоточек Тора.
Железо. 1,2×2,2 см

Среди амулетов, найденных при раскопках на Городище, представляют интерес две бронзовые плоские пластины. Надписи на одном амулете, прочтенные крупнейшим специалистом в области рунического письма Е. А. Мельниковой, содержат не менее четырех старших рун и один знак, предположительно, знак тайнописи (на одной стороне пластины) и младших рун со знаком тайнописи (на другой стороне).

Первая надпись, по утверждению Е. А. Мельниковой, может быть интерпретирована как «защищенный во время морского путешествия» либо как «защищенный [на пути] в отдаленную землю». Надпись на другой стороне, сделанная позже первой — вероятно, в первой половине X в., когда употребление старших рун уже полностью прекратилось, гласит: «Да не будешь ты лишен мужской силы». Односторонняя надпись на другом амулете полностью воспроизводит последний текст и сделана рукой, не столь уверенной в рунописи. Амулет с надписями в традициях рунической письменности, сложившихся в Восточной Швеции (Эстерьетланде) в IX в., вероятно, был изготовлен для человека, собиравшегося плыть на восток.

Прямоугольная подвеска
с руническими надписями.
Бронза. 1,3×4,8 см

Трапециевидная подвеска
с руническими знаками.
Бронза. 2,2×5,7 см

ПРОДАТШЕ.
XI-XV вв.:
центр политической
и светской власти

рѣшамоуто рѣши сѣю полкоу . сѣмыкнѣе при слани кѣтубѣ
рѣсаннѣа шако . пѣхочѣ сѣю полка . нисилѣ . ашѣ в . плавиѣ
нмиѣ . сѣвѣи вой тоносн . а сѣгоны дѣвсѣ вола . да вѣско рми
лнѣсмо сѣвѣи кнѣзѣ . а пѣи сншѣи ѡмѣ . сѣю полкѣмного при
нмѣвѣвннми . ѡгнѣмѣ нхочѣтѣ шнн . пои мнѣ мѣстн сла
ка . ннѣдѣшакпо вѣго роу :

пожѣлѣтѣ знаменнѣ вѣимамѣн мѣл . гѣ . кѣ . по гѣ днн .
а кнѣпожѣ рмаиѣ зѣра ѡвѣсто жнѣоугѣ . нѣзѣпа дѣнѣ вѣра
нѣвѣпѣко снѣвѣнѣсѣонощѣ . а кнѣѡлѣны полны сѣвѣтѣ
щн . а пѣолѣтѣ по знаменнѣ вѣ вѣлѣннѣ . мѣл . фѣ . ѣ . по гѣ
мѣл . зѣ . вѣ знаменнѣ вѣ вѣснѣннѣ ѡгороднѣога вѣ шнѣ слѣѣ
вѣ . гѣ . дѣгн . нѣвѣшѣ дѣроугнѣ хрѣпѣтѣкѣсѣ вѣ снѣмѣнѣ
щѣ знаменнѣ . вѣлѣвѣтѣ рнннѣлѣннѣ . со вѣ зѣ хннѣ мѣ
лѣхоу сѣ вѣ гѣ . со глѣ зѣ мнѣ дѣ вѣ вѣ ѡвѣратнѣи знаменнѣ
гннѣдѣвѣро . знаменнѣ вѣ вѣ вѣлѣюпѣ . ѡ вѣ пѣдѣвѣро .
ѡ вѣ мѣзѣло . нѣпннѣдѣоущѣ вѣ болѣтѣпо . вѣлѣжнѣ вѣ мѣ
слѣдѣвѣро роу снѣмѣзѣкнѣ зѣ мѣ . оу мѣ слншѣннѣ пнѣтѣ
лѣвннѣ пои пннѣ вѣ зѣмѣлюннѣ . ѣ вѣ нѣ вѣ . мѣсо жѣснѣжѣ
пѣслѣ вѣ вѣ рннѣ шѣ вѣ лѣтѣпо :

В 882 г. легендарный князь Олег, родич или, по некоторым источникам, воевода Рюрика, вместе с его сыном, малолетним Игорем, овладел Смоленском и затем Киевом, став властителем огромного государства вдоль речных путей от Ильмена до Среднего Поднепровья. С уходом Олега княжеская власть осуществлялась в Новгороде через его представителей — посадников. Новгородцы признали суверенитет киевского князя и согласились выплачивать ему ежегодную дань «ради мира». Сами же киевские князья посещали Рюриково городище эпизодически. Так, в 947 г. поход в Приильмень на Мсту и Лугу совершила княгиня Ольга, устанавливая там погосты и дани, тем самым «обустраивая» земли, тяготевшие к Новгороду.

К середине X в. в двух километрах вниз по течению Волхова от Рюрикова городища на холмах по обеим сторонам реки появились быстрорастущие поселения, в которых с самого начала возникновения проявлялись черты высокого социального положения их обитателей. Во второй половине X в. эти новые поселки и Рюриково городище развивались параллельно. Но роль Городища оставалась все еще значительной. Об этом свидетельствует установление в 980 г. при проведении князем Владимиром реформы язычества, статуи Перуна в истоке Волхова, на месте старого славянского святилища в Перыни, тяготевшего к княжескому Рюрикову городищу.

Однако уже в 989 г. среди новых поселений, на возвышенности левого берега Волхова строится деревянная церковь святой Софии. Рядом с этим общегородским храмом расположился епископский двор с хорами первого новгородского епископа Иоакима Корсунянина и первой городской каменной церковью Иоакима и Анны. Так здесь был сформирован центр церковного управления Северной Руси. Постепенно противостоявшие Рюрикову городищу поселки славянской знати образовали новую поселенческую структуру и к рубежу X–XI вв. приняли на себя значительную часть административных и экономических функций прежнего центра.

Существенное укрепление княжеской власти произошло при сыне киевского князя Владимира Святославича Ярославе Мудром, перешедшем, вероятно, в 1010 г. на княжение в Новгород из Ростова. Ярослав, заручившись поддержкой новгородской аристократии, отказался в 1014 г. от посылки в Киев двух третей ежегодного «урока» (дани), безусловно выражая этим сепаратистские стремления новгородцев. Сам он, оставив Городище, основал новую резиденцию напротив церкви святой Софии на Ярославовом дворце («месте двора Ярослава»). Переезд князя представлял собой крупный политический акт государственного значения. Княжий двор был не только местонахождением князя, но и местом осуществления им судебных и административных функций, центром поступления и затем перераспределения государственных налогов, взимания судебных штрафов, то есть местом, преимущественной реализации государственно-экономических прерогатив княжеского управления.

На протяжении XI в. представителями княжеской власти в Новгороде являлись старшие сыновья киевских князей, а в периоды их отсутствия — княжеские посадники. В последней трети XI в. продолжалось усиление новгородского боярства, появились выборные посадники (городские правители из числа бояр), что укрепило городское самоуправление. Князья были вынуждены вновь вернуться на Рюриково городище как в свою основную резиденцию, сохранив за собой право и на Ярославово дворце как на городскую усадьбу.

на стр. 92–93
Печать князя Ярослава Мудрого.
Ок. 1010–1054.
Свинец. Ø 3,2–3,6 см
Печать найдена на Троицком раскопе
в Новгороде в 1994 г.
На лицевой стороне —
погрудное изображение князя в шлеме,
на оборотной — св. Георгий со щитом
и копьем. По мнению В. А. Янина
и П. Г. Гайдукова, печать относится
ко времени окончательного вокняжения
Ярослава в Киеве в 1019 г.

на стр. 94
Радзивиловская летопись.
Миниатюра
«Приглашение новгородцами на княжение
в Новгород Метислава Владимировича»

на стр. 96–97
Вид на мыс Рюрикова городища
с высоты «птичьего полета».
Фото С. А. Васильева 2008

Начало новой истории княжеского Городища

Жизнь на Городище оживилась уже в последней четверти XI в. Как показали раскопки, проведенные в разных частях холма, здесь были произведены грандиозные земляные работы по расширению площади резиденции и выравниванию поверхности перед новым этапом застройки. Были сnivelированы остатки оборонительных конструкций первоначального поселения, засыпан древний ров. В стратиграфических разрезах зафиксированы мощные слои песка и суглинка, перекрывавшие культурные напластования IX–X вв.

Эти работы были связаны с решением князя Мстислава Великого возвести на Городище церкви Благовещения – первую крупную каменную постройку в городе после церкви святой Софии. При раскопках на месте зарытого рва на расстоянии 25 м к юго-востоку от церкви Благовещения обнаружена печь для обжига извести и плинфы, расположенная на специально обустроенной строительной площадке в период возведения храма, а, возможно, и княжеских хором.

Печь была сложена из плинфы и предназначалась для обжига известняка и кирпичей. Ее основание находилось в котловане глубиной 1,2 м. В отличие от печей, известных на территории Древней Руси (в Суздале и Киеве), городищеская печь имела прямоугольную форму, а не круглую, как остальные. Однако по конструкции она явно сходна с двумя киевскими печами конца X в. для обжига кирпича, располагавшимися к юго-западу от Десятинной церкви. Видимо, где-то поблизости от исследованного сооружения стояли и другие печи, обслуживающие широкомасштабную стройку.

Стратиграфический разрез культурного слоя Рюрикова городища на северном берегу Сиверсова канала. 1996

Остатки печи для обжига известняка и плинфы начала XII в. 1988

В самом начале XII в. по княжескому заказу для Благовещенской церкви пишется знаменитое Мстиславово Евангелие, выдающееся произведение древнерусской культуры и искусства. После написания рукопись Евангелия отправили в Константинополь, где для него был изготовлен богатый оклад.

Упоминания о Городище в течение долгих лет не сходили со страниц древних хроник, упоминавших о событиях, связанных с резиденцией новгородских князей, одним из важнейших центров политической жизни.

После присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. Городище стало резиденцией великих московских князей, а впоследствии царей всея Руси. Героические и трагические события национальной истории связаны с именами Ярослава Мудрого, Мстислава Великого, Александра Невского, Симеона Ивановича Гордого, Василия Темного, Ивана III Васильевича (повелевшего строить мост через Волхов к Юрьеву монастырю), Ивана IV Грозного (оставившего память о своих кровавых злодеяниях на Городище).

Мстиславово Евангелие является первым по времени у славян полным апракосом с чтениями на весь год, начиная с Пасхи. Оно содержит Месяцеслов, а также евангелия воскресные, утренние и на разные случаи службы. Оригиналом для Мстиславова Евангелия послужила болгарская рукопись из Преслава. Евангелие написано крупным уставом, с заставками и миниатюрами, изображающими евангелистов.

Первоначальный оклад начала XII в. не сохранился. В 1551 г. по повелению царя Ивана IV Васильевича Грозного в Новгороде изготовили новый сканный оклад, на который были перенесены 15 древних дробниц, исполненных в технике перегородчатой эмали. С первоначальным окладом связаны только две золотые дробницы с изображениями в рост апостолов Иакова и Варфоломея, сделанные константинопольскими мастерами. Пять золотых образков относятся к середине XII в., а еще шесть пластин из золоченого серебра в виде крестов датируются концом XII — началом XIII вв. и происходят с какого-то княжеского украшения, барм или диадемы.

на стр. 101

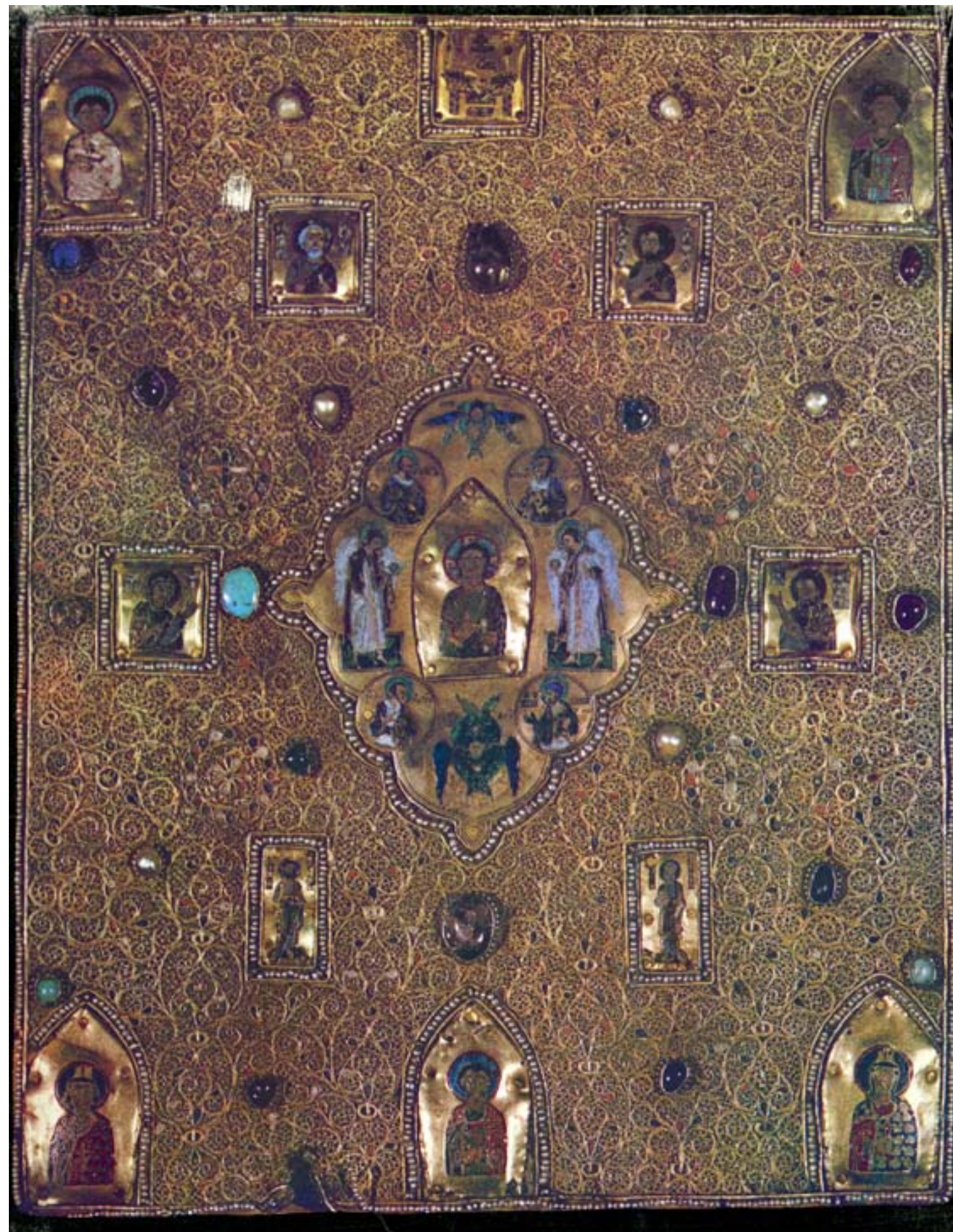
Оклад Мстиславова Евангелия с элементами оклада XII в. 1551

на стр. 102

Мстиславово Евангелие. Миниатюра «Апостол Иоанн»

на стр. 103

Мстиславово Евангелие. Миниатюра «Апостол Лука»

Летописи фиксируют самые разнообразные факты о светской жизни князей на Городище, о строительстве ими церквей, о конфликтах с новгородцами, о природных катаклизмах, о различных сторонах повседневной жизнью города:

«Изяславъ же съ сыномъ Ярославомъ посласта подвойские и биричи по улицамъ клицати, зовуще ко князю на обедъ всякого от мала до велика; и поидоша вси ко князю на обедъ на Городище, и тако обедавшие ту и веселишеся разидошася каждо во свояси» (1149);

«... Того же лета князь Святославъ постави церковь святаго Николы на Городищи...» (1165);

«... и Городище погоръ, а людие не смъяху жити въ домъхъ, но по полю живяху» (1194);

«... и вложи князю грех в сердце, гневъ до Твердислава, а без вины;... а Твердислав бяше больнее; и поиде князь Всеволод с Городища, с всем двором своим, искрутся в бръне ақы на рать, и приеха на Ярославль двор; и сънидошася Новгородци к нему въ оружии и сташа пълкомъ на княжи двор...» (1220);

«Того же лета бысть мятежь в Новгороде: начаша изгоните князя Ярослава из города... И пригониша сторожи Ярославли мало не до Городища, и выидоша весь град въ оружии от мала до велика к Городищу, и стояша два дни пеши за Жилотугомъ, а коневъници за Городищем. То уведав, Ярославъ поиде об ону сторону к Русе и седе в Русе» (1270);

«Декабря 6 велъль князь велики мость чинити на ръць Волховъ своему мастеру Аристотелю Фрязину, подъ Городищемъ; на судъхъ на той ръце, и донеле же князь велики одолевъ возвратися в Москвъ, а мость стоитъ» (1478).

Однако далеко не все подробности городищенской жизни новгородских князей и их окружения освещены на страницах древних хроник. Немало информации для понимания происходившего на Городище дает археологический материал. В нем во всей своей многоликости и яркости удивительно отразились события новой жизни Рюрикова Городища как княжеского административно-хозяйственного комплекса, включавшего хоромы князя, разнообразные служебные помещения (в том числе канцелярию и архив), хозяйственные строения, ремесленные мастерские и гридницу, где устраивали дружинные пиры, собирали советы, а при необходимости содержали арестованных...

Мстиславово Евангелие.
Миниатюра «Апостол Матфей»

ЦЕРКОВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Период княжеского строительства начался в 1103 г. с церкви Благовещения на Городище. Храм был возведён мастером Петром, перебравшимся во главе великокняжеской артели на север из Киева.

М. К. Каргером была целиком раскопана западная половина церкви, вся южная стена, западная пара подкупольных столбов и участок апсиды. Раскопки показали, что это был большой шестистолпный трехапсидный храм с лестничной башней, примыкавшей к его северо-западному углу. Общая длина постройки 22,8 м, ширина 15,1 м. Западная пара столбов соединена с боковыми стенами, выделяя нартекс. Башня в плане квадратная, с круглым внутренним пространством для лестницы и круглым опорным столбом в центре. Размер подкупольного пространства около 4,9х5,4 м. Фасадные поверхности обмазаны толстым слоем гладкого затертого цемяночного раствора (смеси извести, воды и кирпичной крошки), на многих участках которого обнаружены рисунки и надписи-граффити. Фундаменты храма ленточные, сложенные из крупных валунов на растворе. Обнаружены многочисленные фрагменты штукатурки с остатками фресковой живописи и значительное количество майоликовых плиток древнего пола.

«Церковь Благовещения 1103 г., — отмечал М. К. Каргер, — по своему плану, по строительно-техническим и художественным особенностям представляла собою как бы протооригинал собора Георгия 1119 г., однако по пропорциям плана и абсолютным размерам она была ближе к собору Николая на Ярославовом дворище, отличавшемуся от церкви Благовещения отсутствием лестничной башни, ведущей на хоры». Эта близость двух храмов — церкви Благовещения и Николо-Дворищенского собора — могла быть обусловлена функциональной причиной: обе постройки являются не только княжескими, но и дворцовыми. Полагают, что хоромы князя находились непосредственно вблизи церкви с юга, и из них по деревянным переходам можно было попасть прямо на хоры.

Таким же грандиозным был и упоминаемый М. К. Каргером выше, третий новгородский княжеский храм начала XII в. — Георгиевский собор Юрьева монастыря. Благовещенский и Георгиевский соборы, располагавшиеся почти напротив друг друга у начала Волхова из Ильмена, при плавании по реке образовывали как бы парадное обрамление въезда в Новгород. В глубине за величественной Софией перспективу замыкал, отвечая Юрьеву монастырю и Благовещению на Городище, Богородице-Рождественский собор Антониева монастыря.

Хозяином новгородской княжеской резиденции на Городище с 1340 г. стал великий князь Симеон Иванович Гордый.

Его повелением Благовещенская церковь была разобрана и на ее остатках и равной ей по ширине в 1342 г. заложена новая. Причина такого решения стала понятна при раскопках. Оказалось, что строители церкви 1103 г. не учли близости засыпанного рва Рюрикова городища, и фундамент храма «поплыл». Новый Благовещенский собор постройки 1342 г. представлял собой типичный памятник новгородского зодчества XIV в., он стал на время самым большим храмом в Новгороде.

Фасады церкви имели, по-видимому, трехлопастные завершения. Собор не был расписан полностью. Фресковая роспись располагалась только на небольшом участке стены в нише жертвенника храма. Центр ниши занимала композиция «Pieta» («Христос во гробе»), излюбленный сюжет византийского и раннеитальянского искусства XIII–XV вв. По сторонам от композиции — фигуры Иоанна Богослова и епископа Родиона, предположительно, патрона заказчика. Наиболее вероятно, что роспись была исполнена в конце XIV в. (Храм был значительно разрушен во время Второй мировой войны немецкой артиллерией.)

Никольский собор
на Ярославовом Дворище. 1113.
Фото И. Ф. Барцевского. 1890-е

Никольский собор
на Ярославовом Дворище. 1113.
Фото М. В. Медведевой. 2008

К востоку от Благовещенской церкви по гребню всхолмления по указу князя Святослава Ростиславича в 1165 г. была построена Никольская церковь. В 1191 г. она была вновь срублена князем Ярославом Владимировичем, но сгорела «от грома» в 1201 г.

В 1198 г. по велению того же князя в память об умерших сыновьях была возведена, а в следующем году расписана церковь Спаса Преображения на горе Нередице. Церковь располагалась на холме, соседнем с городищенским, но, судя по летописям, эта территория также входила в состав Городища, будучи княжеским владением («**испсыаша церковь святого Преображения на Городищи**»). Четырехстолпная, трехапсидная одноглавая крестово-купольная постройка с хорами стала последним княжеским строением древнего Новгорода и самым миниатюрным из них.

Ее длина 15,7 м, ширина 11,4 м. Подкупольное пространство храма — длиной 4,04 м, шириной 3,5 м. Высота вершины купола от уровня древнего пола около 18 м. Здание возведено в смешанной технике: из перемежающихся рядов ракушечника и кирпичей. Первоначальная кровля, по-видимому, была деревянной. Найдены керамические плитки от древнего пола.

Многие столетия церковь, по своему архитектурному облику ничем не отличавшаяся от скромных боярских, купеческих и уличанских построек конца XII в., простояла почти в полной неизвестности. Лишь в начале XX в. пришло осознание того, что фрески Нередицы покрывавшие все стены, столбы, своды, арки и купол церкви, по целостности ансамбля, его сохранности и художественной цельности — явление искусства не только отечественного, но и европейского значения и наиболее драгоценный памятник новгородской монументальной живописи XII века. Высокую ценность имела и роспись Нередицкой церкви с портретным изображением ее строителя новгородского князя Ярослава Владимировича, при всей своей схематичности имевшим ряд реалистических черт, придававших ему индивидуальную характеристику.

Георгиевский собор Юрьева монастыря. 1119.
Фото А. А. Иванова-Терентьева. 1910-е

Вид с колокольни Юрьева монастыря.
Фото О. С. Соболевой. 2012

Церковь Благовещения на Городище
1342 г. Вид с востока.
Фото Н. П. Сычёва. 1920

Церковь Благовещения на Городище 1342 г.
Общий вид с р. Волхова.
Фото Н. П. Сычева. 1920

Фрагменты фресковой росписи церкви Благовещения.
Раскопки М. К. Каргера. 1970

Фрагмент штукатурки с граффити церкви Благовещения на Рюриковом городище.
Раскопки М. К. Каргера. 1969

на стр. 112
Современный вид на руины церкви Благовещения. 2007

Западная часть церкви Благовещения.
Раскопки М. К. Каргера. Кон. 1960-х

Церковь Спаса Преображения
на горе Нередице. 1198

Икона «Видение пономаря Тарасия».
В правой средней части иконы —
Городище, выше истока р. Волхова
и р. Жилотуа вблизи берега оз. Ильмень.
Кон. XVI в.

В 1903–1904 гг. под руководством П. П. Покрышкина была проведена фактически первая в России научная архитектурная реставрация храма. К сожалению, церковь сильно пострадала во время Второй мировой войны. По словам великого знатока средневекового искусства В. Н. Лазарева, это был «крупнейший средневековый живописный ансамбль не только в России, но во всей Европе». Он писал: «Для русской культуры гибель росписей Нередицы это ничем не восполнимая утрата, потому что в них новгородские черты выступали с такой силой, как ни в одном другом памятнике. Фрески Нередицы поражали своей изумительной сохранностью и ни с чем не сравнимой полнотой в подборе сюжетов, которые почти исчерпывающим образом знакомили зрителя с системой средневековой росписи. Кто не имел счастья видеть фрески Нередицы, тому трудно составить достаточно полное представление о монументальной живописи средних веков».

(Уже летом 1944 г. начались консервационные работы на развалинах Нередицы, а в 1956–1958 гг. проведено восстановление храма при самоотверженном участии архитекторов-реставраторов А. М. Шуляк и Г. М. Штендера.)

Всего на землях Городища в разное время были сооружены шесть деревянных и каменных храмов (Богородицы, Благовещения, Николы, Спаса Преображения, Георгия, Козьмы и Демьяна, Михаила Архангела). (Возможно, к югу от Благовещения располагалась и еще одна церковь — во имя Сретения.) Плотная застройка Городища на иконе XVI в. «Видение пономаря Тарасия» (1574–1582 гг.), где воссоздан вид Городища XIII в. В разные годы церкви неоднократно подвергались перестройке и возобновлялись после разрушений.

Будни княжеской власти и ее окружения

В отличие от средневекового Новгорода, где до наших дней благодаря повышенной влажности культурных напластований сохранились деревянные основания усадебных построек, мостовые, пограничные частоколы между городскими дворами, срубы колодцев и другие объекты и предметы из органических материалов, на Городище сухой песчаный слой способствовал уничтожению подобных остатков жизнедеятельности людей. И вместо нижних венцов усадебных строений археологически зафиксированы только ямы-котлованы от подвальных помещений.

При исследовании центральной части Городища южнее и юго-восточнее церкви Благовещения найдено пять котлованов — оснований построек княжеского двора. Вероятно, в них жили приближенные князя, а сам княжеский терем находился ближе к церкви, с южной стороны от нее.

Котлованы, представлявшие собой четырехугольные подвальные помещения (30–64 кв. м) больших срубных, возможно, двухэтажных построек, были углублены в материк, а один из них — в засыпь рва примерно на один метр. Стены подвальных помещений были обшиты досками. В углу двух из них сохранились остатки упавших печей.

Деревянная обшивка стен подвала большой постройки. Раскопки 2008

Юго-восточный угол подвального помещения с камнями от печи и кусками амфорной посуды. Раскопки 2008

Котлован подвального помещения княжеской постройки. Раскопки 2008–2009

Состав вещей, найденных в заполнении котлованов, в их числе золотые украшения, золотые нити, а также предметы христианского культа, свидетельствует о высоком социальном уровне обитателей Городища XI–XV вв.

Золотые вещи относятся к исключительно редким находкам на поселениях лесной зоны Восточной Европы.

Новгородская знать особо ценила созданные по заказу высокохудожественные украшения из золота. К таким вещам относятся ажурные височные кольца из круглой проволоки, так называемые серьги «киевского типа», а также золотые кольца-перстеньки, декорированные вставкой.

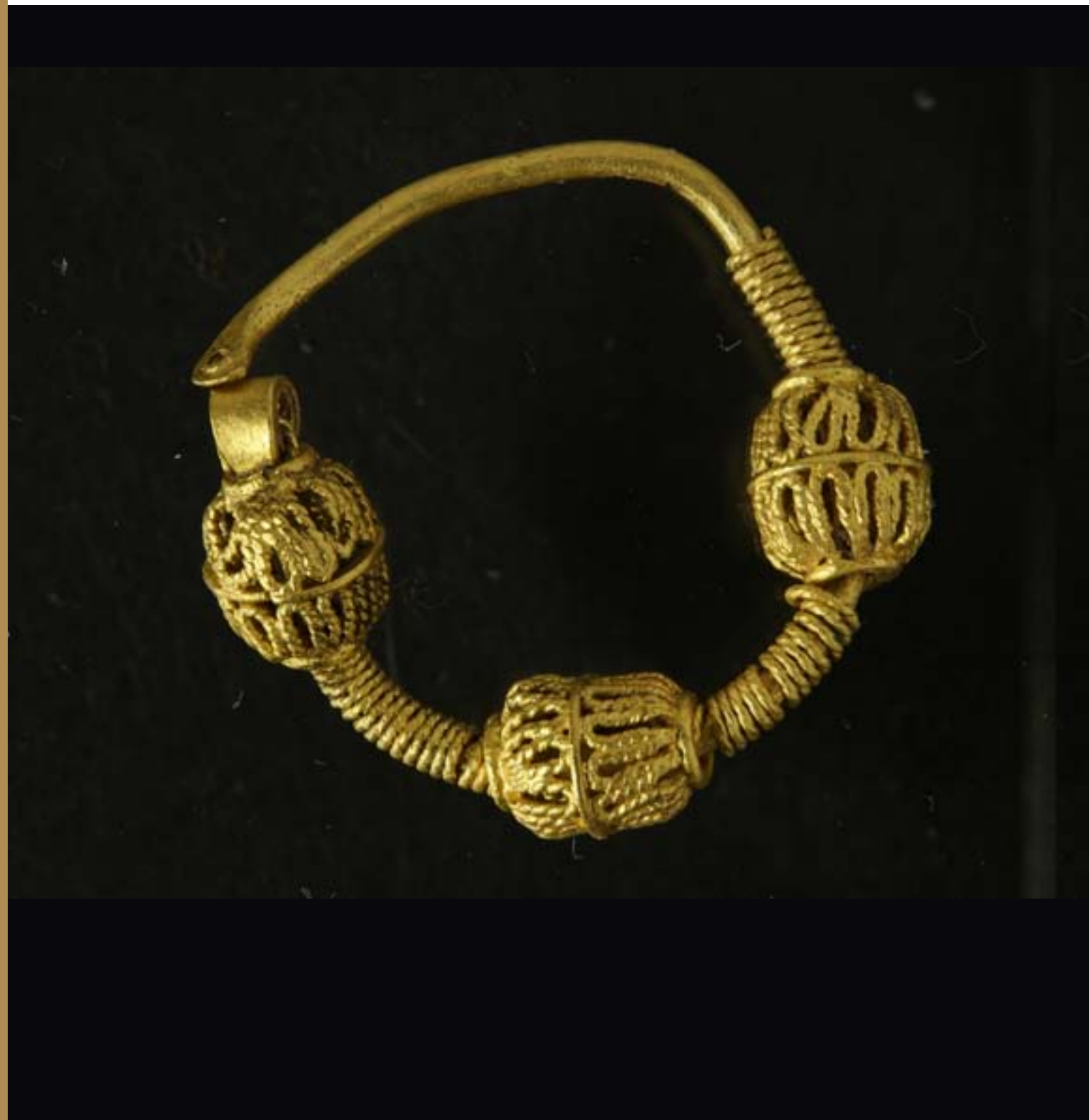
В культурном слое Городища был найден бронзовый колт. Подобные украшения крепились к головному убору горожанок XIII в. в подражание более раннему великокняжескому убору.

Височное колечко (или серьга) — из круглой проволоки, на которую надеты ажурные бусины, выполненные в технике скани. Между бусинами проволочная основа украшена спирально накрученной тонкой проволокой. Подобные височные кольца встречаются в древнерусских кладках домонгольского времени. Еще два аналогичных колечка происходят из случайных находок с Городища.

Золотой перстенец декорирован вставкой из светло-фиолетового стекла, которую с двух сторон окружают (как бы держат в своих пастьях) головки драконов. В Новгороде почти аналогичный золотой перстенец найден в слое 30–60-х гг. XII в. Золотые кольца с головками драконов у вставок были широко распространены в Западной Европе.

Канитель — золотая нить, обрывки и мотки которой встречались при раскопках, использовалась для золотного шитья по ткани. Расшитая ею одежда предназначалась для княжеской семьи и ее окружения.

Бронзовые колты — полые сумкообразные подвески — украшались зернью, сканью, перегородчатой эмалью и чернением. Однако представленный экземпляр относится к более простому варианту колтов, которые стали изготавливать в начале XIII в. из бронзы с помощью литья по образцам великосветских золотых украшений. Они предназначались для более широкого круга горожанок. Городищенский колт декорирован эмалью. На лицевой стороне на красном фоне в вполборота изображена синяя птица.

Золотое височное кольцо.
Ø 1,7 см

Золотой перстень со стеклянной вставкой.
Ø 1,8 см

Золотые нити для шитья

Серебряная бусина.
1,4×1,7 см

Колт,
элемент женских головных украшений.
Бронза с эмалевыми вставками.
Ø 2,8 см

В районе построек княжеского двора среди предметов христианского культа были найдены энколпионы.

Нательные крестики изготавливались не только из цветных металлов, но и из других материалов: янтаря, кости, камня.

Энколпионы представляли собой двусторчатые нательные кресты, внутри которых хранились христианские святыни. Они являлись предметами личного благочестия.

Практика изготовления для паломников крестов-реликвариев стала популярной в христианском мире. В основе этой традиции лежало сиропалестинское культовое литье, но на территории домонгольской Древней Руси оно получило самостоятельное развитие. На Городище встречаются различные типы древнерусских энколпионов. Редкой находкой является литой небольшой крестик, на лицевой стороне которого — грубо выполненное изображение распятого Христа. В границах Древнерусского государства известно лишь несколько таких крестиков, два из них происходят из Новгорода. Если коснуться их происхождения, то рассматриваемые культовые предметы в массовом количестве появляются в период Первого Болгарского царства в качестве подражаний местным типам энколпионов сразу после принятия христианства в 70-е гг. IX в. В Новгороде такие кресты встречаются в начале XI в. как результате переработки балкано-дунайских образцов.

На представленном образце — одной из двух редких находок в Новгороде (а всего известно пять), лицевую часть креста занимает грубо выполненное литое изображение распятого Христа.

К кругу предметов христианского культа относится иконка из глинистого сланца. На ее сохранившемся фрагменте — часть изображения всадника: шея и грудь лошади, конская сбруя, складчатый плащ, левая нога в стремях. В нижней части виден знак Рюриковичей — двузубец. Специалисты предполагают, что на иконке изображен святой Дмитрий Солунский.

Иконка из глинистого сланца с изображением всадника. Фрагмент. 2,5×3 см

Энколпион с изображением
Распятия Христа и Богоматери.
Бронза с чернением. 3,6×9 см

124

Энколпионы
с изображением крестов на обеих створках.
Бронза с чернением.
3,5×6 см, 2,8×7,5 см

125

Крест с Распятием Христа.
Бронза. 2,4 × 4,3 см

126

Нательный крест.
Кость. 3,3 × 5,9 см

127

На северорусских землях часто встречаются янтарные крестики с клиновидными концами, созданные местными мастерами, получавшими необработанный янтарь крупными партиями из прибалтийских земель. В Плотницкой слободе Новгорода была обнаружена ювелирная мастерская, с более чем 700 фрагментов необработанного янтаря и заготовками янтарных бус и крестиков. (Подобная мастерская была обнаружена при раскопках и в Старой Ладоге.)

Крестики.
Янтарь. 0,6×1,1 см, 1,6×2,2 см,
2,7×2,7 см, 2,8×2,8 см

Однако несмотря на принятие христианства среди древнерусского населения Городища еще не были изжиты языческие верования, что отражалось и в ношении амулетов, например, медвежьего клыка или бронзового изображения маленького зуба либо звериного когтя.

Амулет из медвежьего клыка.
2,3×8,2 см

Амулет в виде когтя.
Бронза. 0,5×2,1 см

Вместе с христианскими ценностями княжеский двор и его окружение испытывали интерес и к ценностям брэнного мира. О бурных княжеских пирах с обилием яств и изысканной посуды на столах свидетельствуют находившиеся в подвальных помещениях многочисленные обломки амфор, в которых обычно перевозили и хранили вино, реже — оливковое масло, поставляемые из Причерноморья и Византии, а также множество обломков роскошной стеклянной посуды как древнерусского производства, так и привозной. Это были, в частности, византийские и сирийские стеклянные кубки и вазы. Обломки такой посуды на территории Руси встречаются лишь в местах княжеских резиденций, а среди находок даже в боярских усадьбах Новгорода, они единичны.

Среди обломков стекла находились и массивные донца воронкообразных сосудов, которые использовались в качестве ламп, вставляемых в хорос — церковных светильников.

В Новгороде фрагменты ламп встречаются в культурных напластованиях во 2-й четверти XI — 1-й четверти XIII вв.

Верхняя часть причерноморской амфоры.
Глина. Венчик \varnothing 4,5 см, тулово \varnothing 14 см

Кропотливые поиски аналогий городищенскому стеклу проведены А.В. Плоховым. Судя по фрагментам, большая часть посуды, древнерусского происхождения. Они изготовлены из поташно-свинцового стекла.

От стаканообразных сосудов сохранились венчики, стенки, иногда с накладными нитями, и поддоны.

Стаканы, появившиеся на Руси 30-е гг. XII в., были наиболее распространенной формой посуды, особенно в южнорусских землях.

Около 40% городищенской посуды изготовлено из зольного стекла. Оно варилось на золе солончатых растений в мастерских различных восточно-средиземноморских центров, включая Византию в XI–XII вв. К числу византийских изделий относятся сосуды из белого непрозрачного стекла, на стенке одного из которых золотом с последующей гравировкой нанесены изображения зайца и догоняющего его хищного зверя. Из Византии были привезены и сосуды из синего прозрачного стекла, расписанного золотом и желтой эмалью. По фрагментам можно определить, что, скорее всего, это были кувшины с длинным горлышком или мискообразные вазы с нарисованными на них птицами и геометрическими орнаментами.

К группе ближневосточного происхождения относится сосуд, на сохранившемся фрагменте которого изображен человек в красной одежде в головном уборе светло-синего цвета с золотым нимбом. Лицо, руки также выполнены золотом. Человек держит в руках животное, нарисованное белой эмалью, похожее на овцу. На свободном пространстве стенки сосуда — золоченый растительный орнамент, над фигурой золотой фриз в виде надписи на арабском языке. Подобные росписи на стеклянных сосудах делались в мастерских Сирии в XIII в. В мастерских Восточного Средиземноморья был изготовлен сосуд из синего прозрачного стекла, орнаментированный белым перистым орнаментом. Подобная техника декора продолжала античные традиции и получила широкое распространение в византийских и сирийско-египетских мастерских в XII–XIV вв. Некоторые из обломков сосудов представляют собой части крышек. Этот вид изделий можно реконструировать как небольшие сосуды округлой формы в форме «кубышки» с крышкой.

Обломок стеклянного византийского сосуда с изображением хищника, догоняющего зайца.

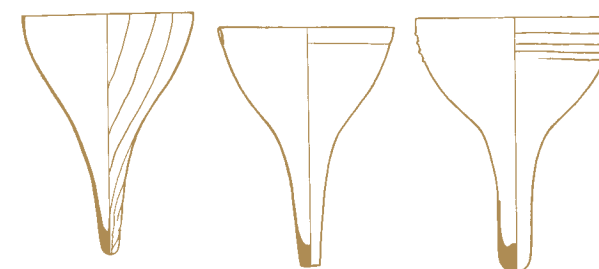
Роспись золотом

Сирийский сосуд с арабской надписью и изображением святого.

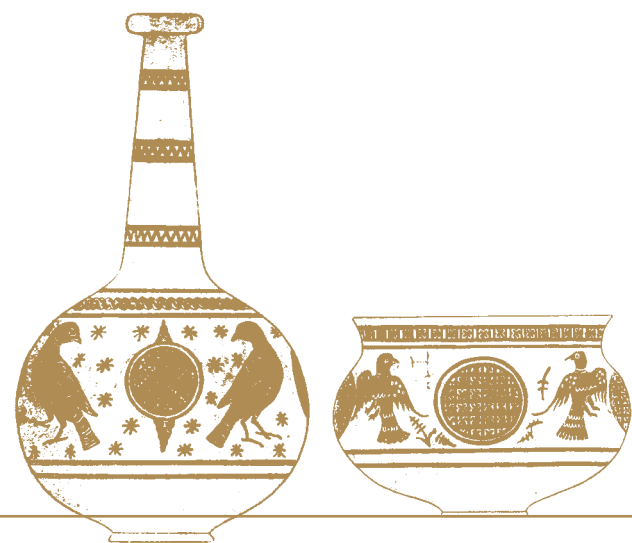
Фрагмент

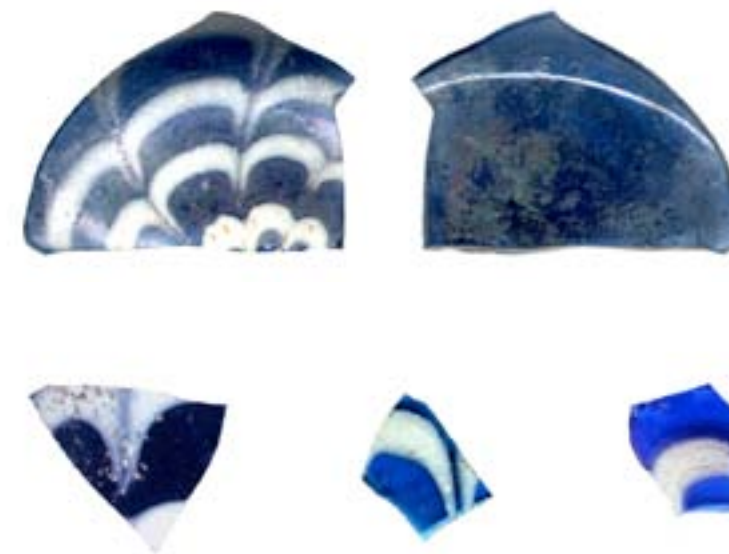
Обломки древнерусских стеклянных сосудов
и их реконструкция

Обломки древнерусских стеклянных сосудов
и их реконструкция

Обломки византийских синих прозрачных сосудов, расписанных золотом и желтой эмалью, и их реконструкция

Обломки синего прозрачного стекла, декорированные «перистым» узором, выполненным белой эмалью, и реконструкция сосуда

К более простым древним вещам, дошедшим до нас в целом виде, относятся бронзовое височное кольцо, перстни, костяной игольник, зооморфные подвески и вещи, связанных с культурой финского населения, в частности, шумящая подвеска и равноплечная фибула. О городском светском характере материальной культуры Городища свидетельствуют многочисленные обломки женских украшений — переливающихся разными цветами гладких, крученых и плетеных стеклянных браслетов и различных перстней. Такие украшения носили исключительно горожанки.

Ажурная орнаментированная накладка.
Кость. 2,7×5,4 см

Бисочное бронзовое кольцо с тремя узелковыми бусами, сплетенными из тонкой бронзовой проволоки, найденное на Городище,— один из ранних вариантов трехбусинных височных колец, по новгородской хронологии относящийся к 2-й четверти XI в. Целыми найдены два перстня — свитый из трех проволок XII–XIII вв. и с плетеной средней частью, изготовленный из четырех проволок, концы которых раскованы. В Новгороде подобные перстни встречаются с середины XII до середины XIV вв. В качестве застежек продолжают существовать подковообразные фибулы с различными типами головок, а также пряжки для ремешков. Зооморфные украшения, изначально характерные для балтов и финнов, в XI–XII вв. вошли в новгородский городской быт и стали широко использоваться новгородцами, потеряв свою этническую окраску. Это подвески-коньки так называемого «смоленского типа» датируемые XI–XII вв., полые подвески-уточки, получившие особую популярность на северо-западе Руси в XII–XIV вв., и различные типы бубенчиков. К кругу предметов собственно финского происхождения относится небольшое украшение с тремя подвесками в виде гусиных лапок и часть конусовидного изделия — основа для мелких привесок. Подобные изделия были характерны для восточных финнов. Но найденная на Городище равноплечная фибула, выполненная в подражание скандинавским застежкам, имеет западнофинское происхождение. По сравнению со скандинавскими прототипами орнамент на финских фибулах выполнен более грубо и небрежно.

Височное кольцо.
Бронза. Ø 2,2 см

Трехпроволочный витой перстень.
Бронза. Ø 2,4 см

Перстень с плетеной средней частью.
Бронза. Ø 2,1 см

Подковообразные фибулы
древнерусского времени.
Бронза. \varnothing 3,2, 5,8 см

Пряжки.
Бронза. 1,5×1,8 см, 1,5×2,7 см

Подвеска-конек.
Бронза. 2,6×2,8 см

Бубенчики.
Бронза. \varnothing 1,8 и 2,9 см

Полая подвеска-уточка.
Бронза. 3,3×4 см

Шумящая подвеска.
Бронза. Основа 1,4×2,1 см,
подвески лапки 1×1,9–2,3 см

Равноплечная западнофинская фибула.
Бронза. 3×8,1 см

Конусовидная основа для мелких привесок.
Бронза. 1,5×2,4 см

Повседневный быт высшей социальной прослойки городищенского общества характеризуют такие найденные предметы, как кресала калачевидные и овальные, ножи, шилья, проколки, ледоходные шипы, лодейные заклепки, грузила и т.п. Среди них выделяется нож с костяной рукояткой, украшенной серебряными обоймицами с позолотой и чернью и с колечком для подвешивания. На обоймицах — сюжеты с растительным орнаментом и изображением птицы.

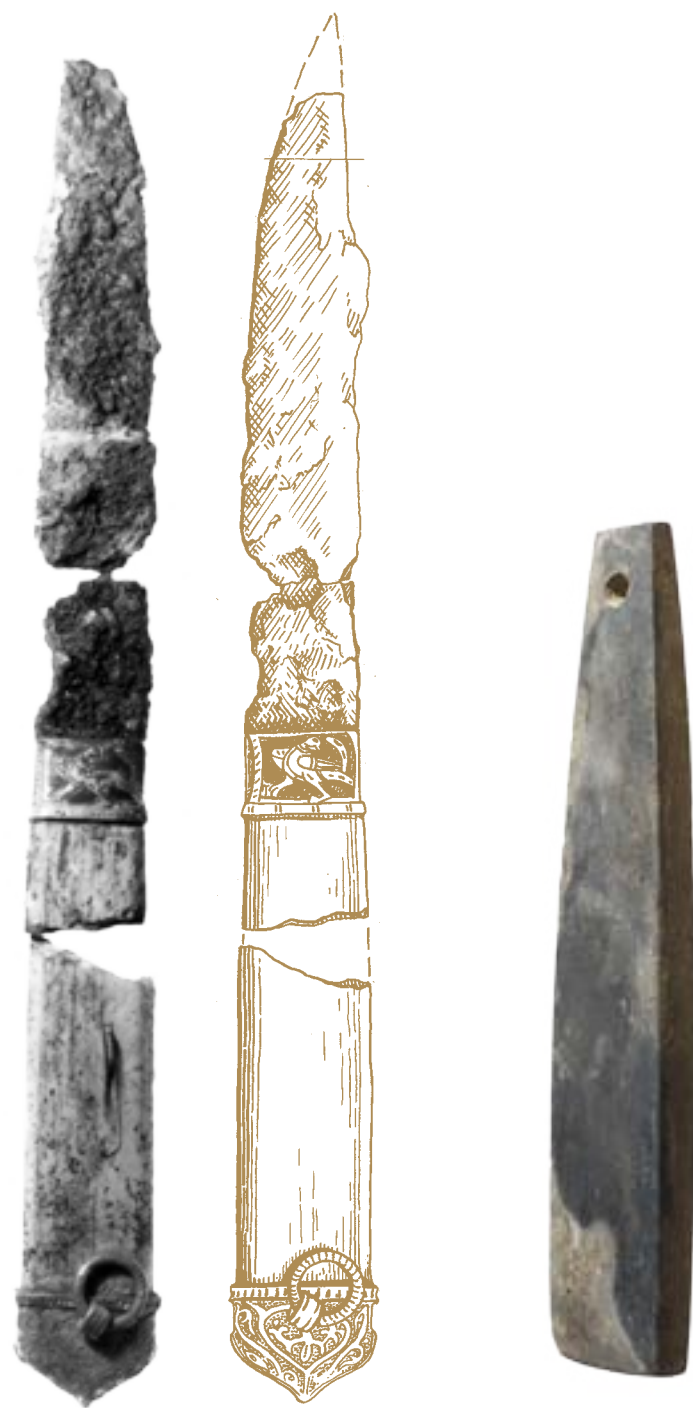
Костяные изделия также были в обиходе обитателей Городища: найдены цилиндрический игольник с крышечкой, украшенный геометрическим узором, ажурная накладка, а также — орнаментированная копоушка — туалетная принадлежность для чистки ушей.

Овальное кресало.
Железо. 2,6×8 см

Калачевидное кресало.
Железо. 2,8×6,2 см

Калачевидное кресало.
Железо. 3,5×8,7 см

Железный нож с костяной рукоятью,
украшенный серебряными обоймицами.
2×19,8 см

Сланцевый оселок.
1,2×9,8 см

144

Орнаментированный игольник.
Кость. 1,5×9,3 см

Копоушка с узором.
Кость. 1,3×7,2 см

145

Среди повседневного бытия помимо пиров и прочих застолий княжеские развлечения имели и необычную окраску. Так, одна из интереснейших находок с Городища рассказывает о подобной забаве.

В 2003 г. в верхней мысовой части Городища на участке с неотчетливой стратиграфией (перекоп или снарядная воронка времен Второй мировой войны на месте ямы с древнерусской гончарной керамикой) был обнаружен череп обезьяны, которая жила на Городище в конце XII в. Особь с Городища, судя по проведенным исследованиям, определенное время содержалась в неволе. На Городище она была доставлена по проторенному торгово-военному пути через Чёрное море, по Днепру, Ловати и озеру Ильмень, из Византии и вручена как диковинный подарок одному из новгородских князей.

Радиоуглеродное датирование найденного черепа обезьяны произведено в лаборатории «Beta Analytic Inc.» (Флорида, США). Согласно заключению, он соответствует периоду между 1040 и 1260 гг. (95% вероятности) или к периоду между 1160 и 1220 гг. (65% вероятности). Пересечение между средней датой по радиоуглероду и калибровочной кривой — 1180 г. Можно сделать вывод, что период жизни обезьяны приходится на время существования княжеской резиденции на Городище. Изучение черепа английскими зоологами показало, что он принадлежит взрослой женской особи вида *Macaca sylvanus*. Макаки этого вида в настоящее время обитают в горных районах Марокко и Алжира, а ранее были распространены в Тунисе и Ливии. На иллюстрации изображение обезьяны взято из средневекового сборника историй о зверях, птицах, рыбах, диковинных и фантастических животных, названного «Абердинский bestiарий», оригинал которого хранится в Абердинском университете (Шотландия).

Обезьяна вида *Macaca sylvanus*.

Череп обезьяны из раскопок Рюрикова городища. Рубеж XII–XIII вв.

Изображение обезьяны из «Абердинского bestiария». Ок. 1200

АТТРИБУТЫ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ

Важнейшими символами и атрибутами власти с древнейших времен являются печати и документы, скрепляемые ими. В постройках Городища и рядом с ними были обнаружены заготовки для вислых свинцовых печатей, литейная форма из розового песчаника для их отливки, сами свинцовые печати и костяная печать. Эти печати, найденные, при разборке ненарушенных напластований поселения безусловно относились не к остаткам архива новгородских князей, разоренного в московский период истории города, а хранились непосредственно вместе со скрепленными ими документами в домах некоторых жителей Городища. Также ясно, что эти жители занимали определенные административные должности и имели право скреплять печатями государственные документы.

Литейная форма для отливки заготовок для печатей. Камень. 3,5×3,5 см

Целое направление отечественной науки — вся древнерусская сфрагистика базируется на коллекции печатей, собранной на Городище (более 2000 находок). Вислая свинцовая печать — то есть печать, прикрепляемая к концу пеньковой или шелковой веревки на документе, — на Руси была атрибутом власти и показателем существования государственной юрисдикции. Ценность коллекции в том, что печати персонализированы: они принадлежали князьям, посадникам, тиунам, церковным иерархам. Традиционно считалось, что сотни древнерусских вислых свинцовых печатей с Городища скрепляли документы вошедшие в княжеский архив, что сделало Городище, по выражению В. Л. Янина, «главной сфрагистической сокровищницей Древней Руси». Однако во время раскопок вислые свинцовые печати были обнаружены и в заполнениях жилищ. Так, на берегу Сиверсова канала при разборке небольших срубов древнерусского времени была найдена представительная коллекция сфрагистических материалов XI–XII вв. — около 15 свинцовых печатей и их заготовок. Среди них две княжеские печати Владимира Всеволодовича Мономаха (время княжения 1073–1093), а также печати Всеволода Мстиславича (1117–1136), Святослава Ольговича (1136–1138, 1139–1140), Святополка Мстиславича (1142–1148), Мстислава Юрьевича (1155–1157), Ярополка Ярославича (1197) и новгородского посадника Димитра Завидовича (1117–1118).

В 2012 г. на Городище обнаружена редкая «перепечатанная» печать. Первоначально документ был скреплен печатью Галицко-Волынского князя Ивана Васильевича (1140–1141), а в дальнейшем, видимо, на Городище документ перепечатал новгородский князь Святослав Ростиславич (1158–1160, 1161–1167), поставив поверх старой печати отпечаток своей печати.

Печать новгородского князя Всеволода Ольговича. Свинец. Ø 2,4 см

Печать неизвестного князя. XII в.
Свинец. Ø 2,2 см

Печать неизвестного владельца. XI в.
Свинец. Ø 3,1 см

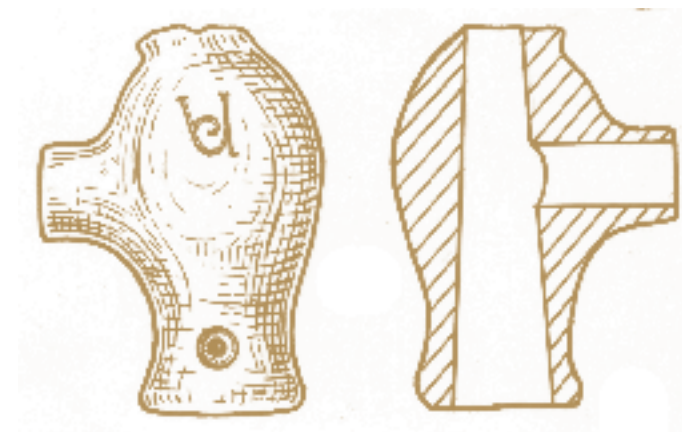

«Переутвержденная» печать
галицко-волинского князя
Ивана Васильевича.
Сверху – оттиск печати новгородского князя
Святослава Ростиславича.
Свинец. Ø 2,3 см

Печать
новгородского князя Юрия Андреевича.
Свинец, Ø 2,1 см

К атрибутам княжеской власти относится также найденное на Городище костяное навершие плети с княжеским знаком, который В. Л. Янин связал с князем Глебом Святославичем, княжившим в Новгороде в 1067–1078 гг., а также бронзовая подвеска со знаком Рюриковичей.

Навершие плети с княжеским знаком.
Кость, 3,4×4,5 см

Основание срубной постройки
древнерусского времени на берегу
Сиверсова канала.

В древнерусских слоях Новгорода за годы его планомерного исследования найдено более тысячи берестяных грамот, изучение которых перевернули наши представления о жизни древнерусского средневекового общества. Они живые свидетели событий происходивших в XI–XIV вв., тексты этих грамот позволили услышать голоса древних новгородцев, узнать об их чаяниях, заботах, семейных делах — о чем хранят молчание официальные письменные документы: летописи, договоры, акты и пр.

Многочисленные грамоты попадали и на Городище, но в силу того, что в его древнерусских слоях предметы из органических материалов не сохраняются, найти подобную находку не представлялось никакой возможности. Однако в начале 2000-х гг. при изучении верхней части заполнения рва на берегу Сиверсова канала впервые на небольшом участке удалось раскрыть слой конца XI — начала XII вв. с органикой и получить около десяти дендрохронологических дат от 1081 до 1106 гг. И сразу же на этом крошечном участке с мокрым слоем была найдена берестяная грамота (по общей нумерации грамот Новгорода она получила № 950 = Городище № 1) Это, несомненно, доказывает, что при благоприятных почвенных условиях на Городище было бы найдено сотни грамот, так как жители поселка являлись частью средневекового новгородского общества.

Грамота из слоя конца XI — начала XII вв. представляет собой фрагмент письма, написанного на обеих сторонах берестяного листа. Связный перевод из-за утраты левой части невозможен, но фрагменты текста несут определенную информацию (комментарий В. Л. Янина и А. А. Зализняка). Отрезок ... [ц] оу — возможно, конец наименования адресата. Это могло быть, в частности, къ отцоу. Далее сказано: «Дал бы (ты ?) князю...». После разрыва: «А поп тебя просил». На обороте: «... сенник продай; а что тебе за него... (возможно, X-м уже внесено [или что-то близкое по смыслу]), так это я ему возмещу...». После разрыва: «А я тебе кланяюсь. Мы у вас двоих благополучны» (т.е. у нас все в порядке; букв.: мы вам двоим пребываем «поздорову»).

Что означает здесь многозначное слово **сенник**, из-за отсутствия контекста неясно; вероятно, это сеновал или участок сенных покосов. По сторову — то же, что по съдорову (по здорову): «благополучно», «невредимо» (дольше сохраняется выражение **подобру-поздорову**). Неожиданное двойственное число в конце («у вас двоих») после единственного числа («тебе кланяюсь») согласуется с гипотезой о том, что письмо адресовано отцу, а в заключительной фразе сын уже имеет в виду обоих родителей. Множественное число **есмы** показывает, что в этой фразе он объединяет себя с кем-то еще — очевидно, с братьями или другими родственниками, вместе с которыми он отправился из дому для выполнения какого-то дела. Словоформа **сторову** — один из двух самых ранних примеров **ст** в этом слове и единственный элемент древненовгородского диалекта в этой грамоте; в остальном она ориентирована на наддиалектные нормы.

Берестяная грамота.
1,6×14,2 см

Княжеская резиденция на Городище просуществовала вплоть до присоединения Новгорода к Московскому государству, когда стала принадлежать русским царям. Однако после кровавых расправ с новгородскими боярами, проведенными здесь Иваном Грозным, Городище перестает упоминаться в официальных письменных источниках в связи с событиями русской истории. Но предания об этом месте живы до наших дней. Так, в краеведческой литературе можно прочесть, что Городище принадлежало Петру I, который подарил его своему фавориту князю А. Д. Меншикову. Народная молва приписывает, что именно отсюда Александр Данилович отправился в свою далекую сибирскую ссылку в г. Березов. Новгородцы и сейчас пытаются показать, где на Городище находились погребца «медуши» святейшего князя. Это всего лишь легенды. Городище сошло с исторической сцены вместе с потерей независимости Новгородской республики...

УСТОКОВ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ:
пространство
истории
и культуры

Вид от церкви Спаса на Нередице
на Юрьев монастырь и Городище.
Фото И. Ф. Чистякова. 1903–1904

на стр. 156–157
Церковь Спаса на Нередице.
Фото А. А. Иванова-Терентьева, 1910-е

«Спешите, товарищи, обрисовать, снять, описать красоту нашей старины. Незаметно близится конец ее. Запечатлейте чудесные обломки прошлого для будущих зданий жизни», — обращался Н. К. Рерих в самом начале XX в., с призывом к российской художественной и научной общественности, впервые отчетливо проявившей осознание необходимости сохранения не только отдельных памятников искусства и архитектуры прошлого, но и самой исторической среды, исторического ландшафта. Это чувство причастности к прошлому было столь обострено у изветного общественного деятеля, художника и археолога в том время, когда вызывавшие восхищение и трепет уникальные окрестности Новгорода со стороны Ильменя еще не были затронуты грядущими грандиозными хозяйственными проектами и разрушительными военными действиями. Н. К. Рерих видел, как

«На горизонте Ильмени выстроился ряд парусов — они стройно удалялись». Со смешанными чувствами рисовал он картины прошлого: «Чудно и страшно было сознавать, что по этим местам плавали ладьи варяжские, Садко богатого гостя вольные струги, проплывала новгородская рать на роковую Шелонскую битву».

Определенные особенности окружавшего город средневекового ландшафта с его церквями и монастырями, разбросанными на возвышенностях среди широкой поймы Волхова и истока Ильменя, сохранились и поныне благодаря происходящим ежегодно высоким весенним паводкам. Но сравнив это пространство истории и культуры с Рюриковым городищем начала прошлого века, взглянув на него глазами Н. К. Рериха и его современников, можно почувствовать неповторимую и притягательную красоту этого места, оценить его уникальную историческую значимость и понять, насколько невозполнимы утраты, понесенные в последние столетия.

Документальные материалы фондов Научного архива и МК РАН позволяют нам погрузиться в не столь давнее прошлое Новгородской земли.

На панорамных фотографиях начала XX в., выполненных на больших стеклянных пластинах, в разных ракурсах сделанных с церкви Спаса Преображения на Нередице предстает исторически сложившийся на протяжении многих веков единый ландшафт городищенского и нередицкого холмов, обрамленный древними новгородскими монастырями и церквями. Отчетливо видны комплексы монастырских и храмовых построек, не сохранившихся до наших дней.

Водная система микрорегиона тех лет еще не была искажена строительством железнодорожной насыпи 1916–1917 гг., но уже частично нарушена при осуществлении масштабного плана — прокладки на рубеже XVIII–XIX вв. канала, соединившего реки Мсту и Волхов с целью «обхода бурного озера Ильмень». В результате мысовая низменная часть Рюрикова городища оказалась разрезана этим каналом, в своем названии увековечившем имя инициатора проекта — новгородского губернатора Я. Е. Сиверса.

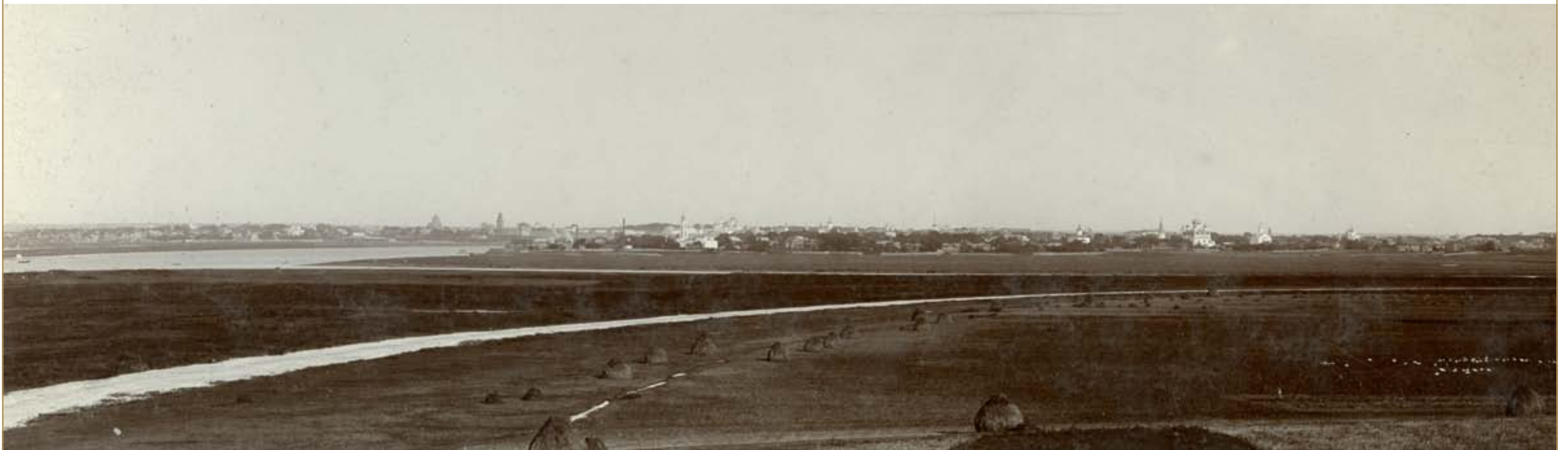
Вид от церкви Спаса на Нередице на Сквородский Михайловский монастырь.
Фото И. Ф. Чистякова. 1903–1904

на стр. 162–163
Вид от церкви Спаса на Нередице на северо-восток, на Кириллов монастырь и церковь Андрея Юродивого на Ситке.
Фото И. Ф. Чистякова. 1903–1904

Вид от церкви Спаса на Нередице на север, на Новгород.
Фото И. Ф. Чистякова. 1903–1904

162

163

Непосредственно на самом городищенском холме высилась церковь Благовещения. Возведенная в 1342–1343 гг., на месте разобранного храма 1103 г., действовавшая до 1930 г., она, простояв 600 лет, была разрушенная во время Второй мировой войны.

Священник Благовещенской и Нередицкой церквей о. Григорий Быстров с детьми у стен Благовещенской церкви.
Фото П. П. Покрышкина. 1910-е

на стр. 166–167
Церковь Благовещения на Городище.
Фото А. А. Мацулевича. 30 июня 1910

Накладка от коньковой сборки. Бронза
с позолотой. 2,2 x 4,4 см

Накладка от коньковой сборки. Бронза
с позолотой. 2,2 x 4,4 см

Сковородский Михайловский монастырь.
Церковь Михаила Архангела. Роспись
в куполе.
Фото П. П. Покрышкина. 1915

Сковородский Михайловский монастырь.
Церковь Михаила Архангела. Южный
придел. Иконостас.
Фото П. П. Покрышкина. 1915

К юго-западу от Рюрикова городища через Сиверсов канал находился Сковородский Михайловский мужской монастырь. Он впервые упомянут в летописях в 1355 г. в связи со строительством архиепископом Моисеем каменного храма с народным названием — церковь Михаила Архангела на Сковородке. Храм представлял собой четырехстолпную одноглавую кубическую постройку с полукруглой апсидой, трехлопастным завершением фасадов с притворами с севера, запада и юга. По размерам церковь Михаила Архангела была немного больше церкви Успения на Волотовом поле (10,8х11,8 м) и очень близка ей по структуре и технологии строительства. В верхней части западного фасада сохранялась круглая ниша с обрамлением и стрельчатыми окнами по ее сторонам. Декор фасада в церкви по стилистике очень схож с декором готических церквей Прибалтики, что свидетельствовало о восприя-

тии новгородскими мастерами отдельных романо-готических мотивов. До разрушений, постигших храм 1941–1944 гг., в нем частично на сводах и стенах сохранялась фресковая роспись XIV в., обнаруженная в 1920–1930-х гг. под более поздними слоями побелки и живописи.

Между Новгородом и Рюриковым городищем на острове Нелезень, на левом берегу Малого Волховца в течение более 750 лет стоял Кириллов монастырь. Самые ранние свидетельства о нем относятся к 1196 г. — времени сооружения каменного храма Кирилла и Афанасия Александрийских. Подробное летописное описание его закладки гласит: **«Заложиста церковь камену святого Кирилла в монастыре в Нелезени Костянтин и Дмитр, братеница (а мастер бяше) Коров Якович с Лубяней улице, начаша ю делати априля, сконцаша июня в 8, на святого Прокопия; и святую владыко Мартурин генваря в 12, и бысть радость крестианом, а Костянтину и Дмитру вечная память».**

Упомянутый мастер Коров Якович, житель улицы, житель улицы Лубяницы Новгорода, как и мастер Петр, строитель Георгиевского собора и церкви Благовещения, формировали новые черты в новгородскую архитектуру конца XII в.: вытянутый по линии запад-восток план храма, прямоугольная форма предалтарных столпов и пр.

Церковь Кирилла, заложенная за два года до строительства Спаса Преображения на Нередице, как бы предвосхищала архитектурный облик этого храма, позже получившего мировую известность.

В 1238 г. в день памяти Кирилла Александрийского — 9 июня — произошло историческое событие в судьбе города: за 100 верст до Новгорода было остановлено продвижение татарских войск. Спасение города приписывалось в летописях его святым покровителям Софии и Кириллу. С тех времен Кириллов монастырь пользовался особым почитанием новгородцев.

Монастырь постигла судьба многих других русских святынь в XX в.: в ходе боев 1941–1944 гг. постройки монастыря получили значительные повреждения, а позже были разобраны на кирпичи при восстановлении города.

Кириллов монастырь.
Фото В. Н. Максимова. 1909

Такая же судьба была уготована расположенной на противоположном от Кириллова монастыря берегу реки на всхолмлении Малого Волховца церкви Андрея Юродивого на Ситке, воздвигнутой в 1371 г. Первоначально церковь принадлежала Ситецкому монастырю, но в 1386 г. монастырь был сожжен во время подхода к нему войск Дмитрия Донского. С 1776 г. церковь приписана к Кириллову монастырю.

Церковь представляла собой типичную новгородскую постройку середины XIV в., по своей архитектуре сходную с известной церковью Федора Стратилата на Ручью в Новгороде, но гораздо более скромную. В 1941 г. церковь была разрушена в ходе боевых действий во время Великой Отечественной войны.

Церковь Андрея Юродивого на Ситке.
Фото П. П. Покрышкина. Июль 1917

Церковь Андрея Юродивого на Ситке.
1910-е

Церковь Спаса на Нередице.
Общий вид с запада.
Фото Л. А. Мацулевича. Июнь 1909

Церковь Спаса на Нередице после
реставрации 1903–1904 гг.
Фото И. Ф. Чистякова. 1900-е

на стр. 176–177
Церковь Спаса на Нередице.
Фото И. Ф. Барцевского. 1880–1890-е

Особое место в ряду новгородских святынь XI–XV вв. занимает церковь Спаса Преображения на Нередице. Этот ценнейший памятник новгородской архитектуры конца XII в., расположенный к востоку от городищенского холма на территории, также входившей в состав княжеского домена заслужил мировую известность своим неповторимым ансамблем фресковой живописи. В его более чем 800-летней истории немало светлых и драматических страниц. К судьбе храма было приковано внимание широкого круга специалистов, общественных деятелей и светских властей.

Масштабная реставрация храма Спаса Преображения, проведенная в 1903–1904 гг. под руководством архитектора-реставратора сотрудника Императорской археологической комиссии П. П. Покрышкина на самом высоком для того времени технологическом и научном уровне, стала важным событием в культурной жизни России. Несмотря на критику современников, тщательность исследования памятника, четкость фиксации выполнения строительных работ, качество реставрации не подвергались сомнению. Эти работы не имели прецедентов в России.

Широкая дискуссия, развернувшаяся вокруг реставрации церкви Спаса на Нередице способствовала, как отмечали специалисты, «победоносному развитию в дальнейшем аналитического метода реставрации на русской почве». Итоги работ были подведены в изданном в 1906 г. в авторстве П. П. Покрышкина «Отчете о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903–1904 гг.» (серия «Материалы по археологии России», издание Императорской археологической комиссии).

Чертежи, обмерная документация и фотофиксация, выполненные в процессе научной реставрации начала XX в., в дальнейшем послужили основой для воссоздания ценнейшего памятника древнерусской архитектуры, в годы Великой Отечественной войны в результате боевых действий превращенного в руины. Документы П. П. Покрышкина 1903–1904 гг. продолжают оставаться важным источником для scrupulous восстановления монументальной живописи внутри храма и поныне.

Церковь Спаса на Нередице.
Реставрационные работы.
Фото И. Ф. Чистякова. Лето 1903

на стр. 180–181
Село Спасское и церковь Спаса
на Нередице в процессе реставрационных
работ 1903–1904 гг.
Фото И. Ф. Чистякова. 1900-е

на стр. 182
Церковь Спаса на Нередице в процессе
реставрационных работ 1903–1904 гг.
Фото И. Ф. Чистякова. 1900-е

на стр. 183
Церковь Спаса на Нередице в процессе
реставрационных работ 1903–1904 гг.
Фото И. Ф. Чистякова. 1900-е

Талантливый архитектор-реставратор П. П. Покрышкин придавал большое значение фотографированию в процессе научного исследования. Во время реставрации церкви Спаса на Нередице он провел скрупулезную съемку всех этапов работ, а фотограф Императорской археологической комиссии И. Ф. Чистяков по его поручению отснял все без исключения фресковые изображения. В 1904 г. после тщательного отбора был составлен альбом из 164 фотографий для подношения императору Николаю II. Альбом был преподнесен фотографом И. Ф. Чистяковым императорским особам, посетившим 9 апреля 1904 г. годовичную выставку древностей, добытых Императорской археологической комиссией.

Фрески церкви Спаса на Нередице.
«Введение во храм», «Сретение».
Фото. И. Ф. Чистякова. 1903–1904

на стр. 186
Ктиторская фреска в нижней части стены
церкви Спаса на Нередице «Князь Ярослав
Всеволодович преподносит модель храма
Спаса на Нередице Иисусу Христу».
Фото И. Ф. Чистякова. 1903–1904

на стр. 187
Фрески подкупольного пространства
церкви Спаса на Нередице.
Фото. И. Ф. Чистякова. 1903–1904

Фреска церкви Спаса на Нередице
«Святая мученица цариц Кристина».
Фото И. Ф. Чистякова. 1903–1904

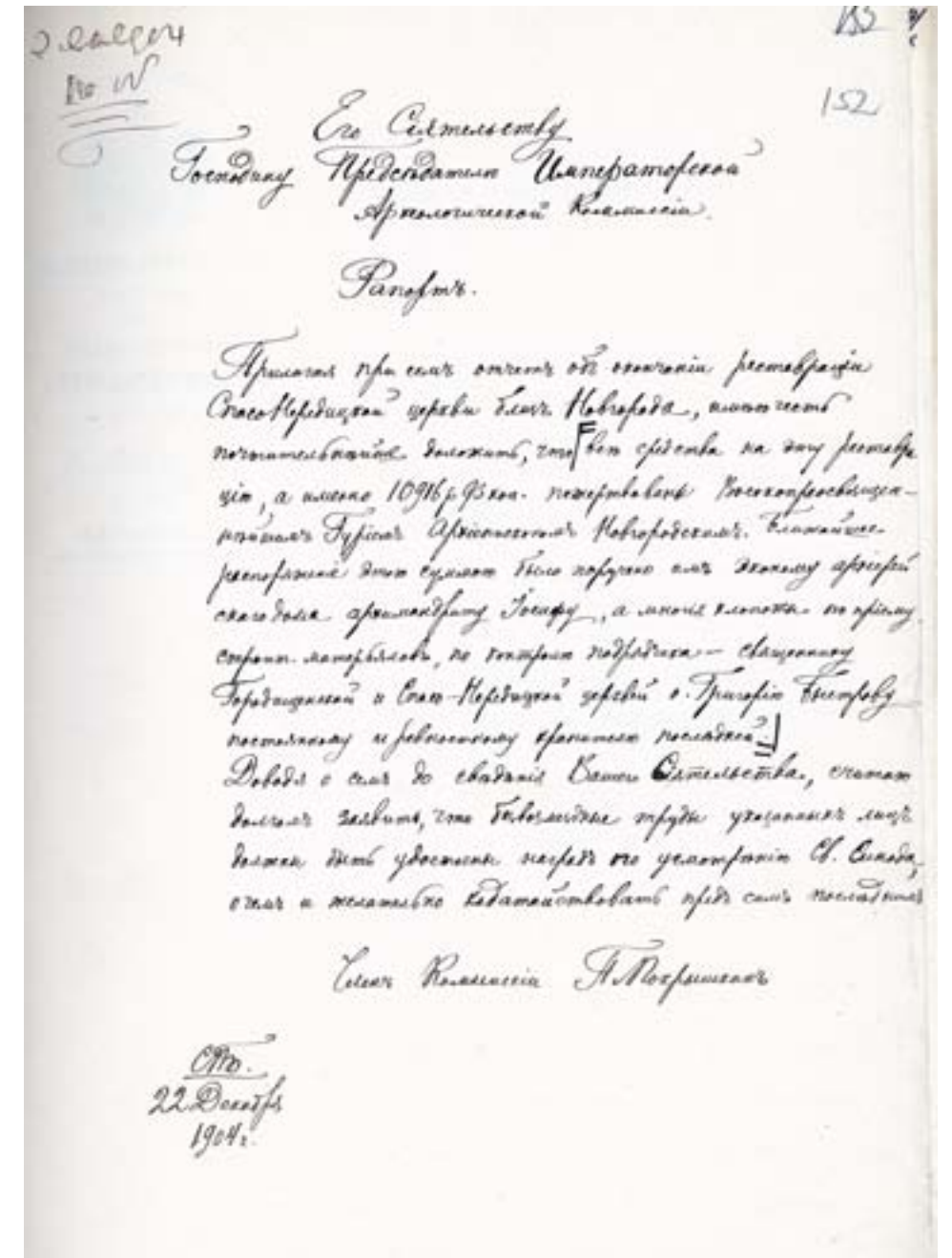
Фреска церкви Спаса на Нередице
«Иисус Христос Ветхий деньми».
Фото И. Ф. Чистякова. 1903–1904

У церкви Спаса на Нередице. Священнослужители, активные участники реставрации храма Спаса на Нередице, с членами Императорской археологической комиссии.

Слева направо: Поиен Ив. Щеголев, протоиерей А. И. Конкордин, священник Благовещенской и Нередицкой церквей Г. Быстров, архиепископ Новгородский Гурий, архитектор П. П. Покрышкин, Л. И. Кириллов, архимандрит Иосиф. 1 августа 1903

Черновик рапорта П. П. Покрышкина председателю Императорской археологической комиссии А. А. Бобринскому о вкладе новгородских священнослужителей в реставрацию церкви Спаса на Нередице.
Из фонда Императорской археологической комиссии

Замечания от М. Медведевой:

На фотографии только один член Императорской Археологической Комиссии П. П. Покрышкин. Остальные – священнослужители и, возможно, двое рабочих???. М.б., лучше написать – У церкви Спаса на Нередице.

Священнослужители, активные участники реставрации храма Спаса на Нередице, руководитель (реставрационных?) работ – член Императорской археологической комиссии П. П. Покрышкин и рабочие (или его помощники).

Своеобразная фотоколлекция продолжала пополняться в последующие годы во время многочисленных рабочих поездок П. П. Покрышкина. Во многом благодаря его усилиям и мастерству фотографа И. Ф. Чистякова Научный архив ИИМК РАН ныне обладает прекрасной коллекцией фотоматериалов с видами Рюрикова городища и его окрестностей, церковных и монастырских сооружений ближайшей округи, а также участников реставрации церкви Спаса на Нередице.

Фотоколлекции архива содержат и серию прекрасных художественных фотографий, выполненных в 1909–1910 гг. сотрудниками комплексной научной экспедиции по изучению древнерусских архитектурных памятников Новгорода и Пскова. В обследовании фресковые росписи Спаса на Нередице и Благовещения на Городище принимали участие искусствоведы Л. А. Мацулевич, Н. П. Сычев, В. К. Мясоедов и Н. Л. Окунев. Особое отношение исследователей к древним церквям и к месту их расположения выразилось в живописно запечатленных храмах, в передаче самобытности и целостности уникального исторического ландшафта, в редких сюжетных кадрах.

Вид на Городище от церкви Спаса на Нередице.
Фото Л. А. Мацулевича. Август 1910

Церковь Спаса на Нередице. Крестный ход
в престольный праздник Преображения.
Фото Л. А. Мацулевича. Август 1910

Спасский ручей у Нередицы. Переправа
Крестного хода через ручей в престольный
праздник Преображения.
Фото Л. А. Мацулевича. Август 1910

Церковь Спаса на Нередице. Общий вид.
Фото Л. А. Мацулевича. 7 июля 1910

Разлив реки Волхов у с. Городище.
*Из материалов поездки П. П. Покрышкина
по археологическому надзору в связи
со строительством железной дороги около
церкви Спаса на Нередице. Апрель 1917*

Церковь Благовещения в с. Городище
с видом на подступившую к первому ряду
домов водой.
*Из материалов поездки П. П. Покрышкина
по археологическому надзору в связи
со строительством железной дороги около
церкви Спаса на Нередице. Апрель 1917*

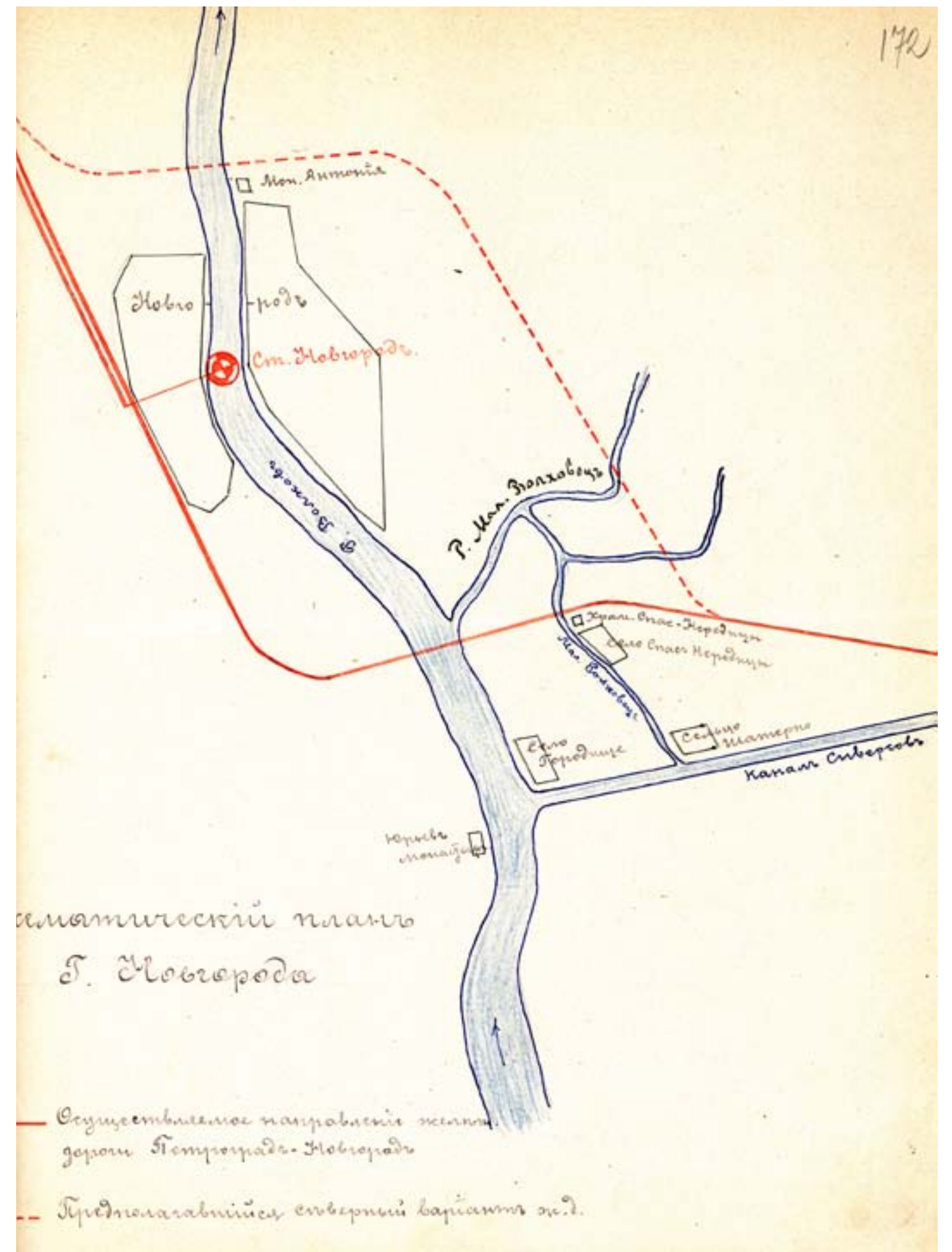

Драматическими событиями в истории Городища и Нередицы был наполнен год 1916-й. Здесь началось строительство стратегически важной (учитывая длящуюся уже два года Первую мировую войну) железнодорожной магистрали Петроград–Царское Село–Новгород–Орел. Участок дороги планировалось проложить вплотную к храму Спаса Преображения.

О прокладке железной дороги вблизи Нередицкого холма и Рюрикова городища и о возведении высокой насыпи для нее, разрезающей исторически единый ландшафт между Новгородом и древними памятниками у истоков Волхова, стало известно лишь на стадии начала строительства: его проект не был предварительно согласован ни с одной научно-экспертной организацией.

Развернулась яростная борьба между сторонниками и противниками железной дороги. Первые убеждали, что железнодорожная линия послужит экономическому развитию Новгорода и округи, противники доказывали, что строительство приведет к полной утрате уникальной исторической местности, изменению микроклимата и повреждениям фресковой росписи храма Спаса на Нередице. Стали также поступать сведения о находках древних вещей в процессе производства земляных работ на Нередицком холме и продаже раритетов рабочими. Впоследствии выяснилось, что таким образом во время строительства железной насыпи в 1916–1917 гг. был разрушен древнерусский могильник с богатым вещевым инвентарем.

План возможного переноса железнодорожной магистрали Петроград–Царское Село–Новгород–Орел к северу от Новгорода.
Из фонда Императорской археологической комиссии

Характер ходатайств научных организаций о переносе направления железнодорожной магистрали в другое менее значимое для русской истории место красноречиво и эмоционально свидетельствует о напряженной ситуации, сложившейся вокруг Городища и церкви Спаса на Нередице.

Из письма Императорской академии наук к министру Императорского двора и уделов Ф. А. Головину от 8 сентября 1916 г.:

«... главное внимание Академии обращается на то неизбежное искажение древнего Новгорода, как исторического целого, в его тесной связи с ближайшими окрестностями, которое получится при проведении железнодорожной дамбы между городом и Ильменем, долженствующей навсегда отрезать город от места его исторического происхождения. Ныне современный Новгород, с его скромною, трюгательною простотою города “плотников”, но со множеством древних каменных церквей, есть цельный исторический памятник. Общий вид этого города, его могучей реки, открывающийся от ворот Софийской стороны и с высокого моста и обоих берегов Волхова на древнейшие храмы, в его ближайших окрестностях, с Ильмень-озером на горизонте, напоминает нам первые и всем нам дорогие страницы нашей истории. Но когда длинная и высокая дамба разрежет всю эту местность пополам и почти совершенно закроет вид на ближайшую окрестность озера, памятник утратит исторический смысл своего происхождения.

... Академия Наук твердо верит, что настанет время, когда на помощь письменным историческим свидетельствам придет систематическое расследование всей этой местности путем раскопок. Возведение дамбы станет преградой в деле живого изучения начальной русской истории.

Искажение высокого исторического памятника, нам сохраненного пока веками забвения, и насильственный разрыв исторической памяти подаст справедливый повод будущим поколениям обвинить нас в пренебрежении к самому дорогому памятнику нашей начальной истории».

Вид на железнодорожную насыпь с колокольни церкви Спаса на Нередице. Из материалов поездки П. П. Покрышкина по археологическому надзору в связи со строительством железной дороги около церкви Спаса на Нередице. 10 октября 1916

Из письма Новгородского общества любителей древности в Императорскую археологическую комиссию от 10 мая 1916 г.:

«... Если этому проекту суждено будет осуществиться, то Русская Земля лишится одного из самых замечательных исторических видов своих, с которыми могут сравниться только виды с набережной Невы и Зимний Дворец, Петропавловскую крепость и Биржу, виды из Замоскворечья на Москву реку с Кремлем и храмом Василия Блаженного и на Днепр от памятника Св. Владимира в Киеве, т.е. такие исключительные по своей цельности сочетания природы и культуры, которые характеризуют собою целые эпохи в истории народа и которые надлежит оберегать, как самые дорогие национальные памятники... Таким образом, дамба и мост лягут между Новгородом и древней резиденцией Рюрика и первых русских князей, Юрьевским собором, Спасом Нередицей и водным горизонтом истоков Волхова и Ильмень-озера, т.е. разъединит навсегда те части знаменитого исторического ландшафта, которые составляли когда-то одно нерасчленимое культурное целое. Теперь, когда культурные народы стремятся ставить под охрану Государства не только местности, покрытые историческими памятниками первостепенной важности, но и просто отдельные уголки природы в воспоминание о том, какой характер носила последняя до встречи с человеческой культурой, нам надлежит с особою бережностью относиться к таким историческим видам, как истоки Волхова у подножия Новгородского Кремля».

Разлив реки у Городища.
Из материалов поездки П. П. Покрышкина
по археологическому надзору в связи
со строительством железной дороги близ
церкви Спаса Нередицы. Апреле 1917

Из письма графини П. С. Уваровой, возглавлявшей Московское археологическое общество, Императору Николаю II от 30 июля 1916 г.:

«... в Новгороде ведется ветвь железной дороги, которую следовало бы подвести к городу с севера; тогда бы не приходилось перекидывать мост через Волхов, запраждать таким образом величественный вид на окружающие город монастыри и обкапывать песчаный холм, на котором воздвигнут древнейший храм Руси – Спас Нередица.

... Помилосердствуйте, Ваше Императорское Величество, прикажите положить конец варварству и своеволию железнодорожных строителей и инженеров; спасите Великий Новгород на память потомству и все мы, верные сыны великой России, низко, низко и любовно поклонимся Вам еще раз, Вам, нашему Государю и защитнику Русской старины».

Железнодорожный состав, проходящий у церкви Спаса на Нередице. На заднем плане – Кириллов монастырь и церковь Андрея Юродивого на Ситке.

Из материалов поездки П. П. Покрышкина по археологическому надзору в связи со строительством железной дороги близ церкви Спаса на Нередице. Июль 1917

Место ответвления железнодорожного пути в сторону церкви Спаса на Нередице.

Из материалов поездки П. П. Покрышкина по археологическому надзору в связи со строительством железной дороги близ церкви Спаса на Нередице. Июль 1917

Позиция отвечающего за строительство Министерства путей сообщения предельно ясна и понятна из ответных писем. Из письма министру Императорского двора и уделов Ф. А. Головину от 24–25 мая 1917 г.:

«Линия Новгород–Орел пересекает Волхов в расстоянии около 2 с половиной верст от городского моста в Новгороде. Юрьевский монастырь расположен на расстоянии 3 с четвертью, а церковь Спаса Нередицы в 3 с половиной верстах от того же моста.

При указанном значительном удалении ее от города железнодорожная насыпь будет вообще мало заметна, проектируясь на окружающие поля, и едва ли может быть речь о порче исторического вида. Напротив, железнодорожная линия послужит скорее к оживлению пейзажа. Что касается вопроса о закрытии насытью видов на исторические памятники и об искажении внешнего вида Нередицкого холма, то оказывается следующее:

1) Вид на храм Спаса Нередицы от павильона с лоджией Екатерины II совершенно не пострадает и храм будет виден целиком поверх насыпи. Нередицкий... холм находится так далеко, что нет повода говорить об искажении его внешнего вида при указанных выше условиях. С городского моста храм и холм не видны и теперь; 2) Вид на Рюриково городище, представляющее из себя, в настоящее время, деревню с небольшой церковью, изменится очень мало. Городище будет видно через пролеты моста; 3) Вид на Юрьевский монастырь тоже почти не изменится, так как он будет виден поверх насыпи и закрыта будет лишь нижняя часть галереи».

Низина и железнодорожная насыпь у церкви Спаса на Нередице.
Из материалов поездки П. П. Покрышкина по археологическому надзору в связи со строительством железной дороги близ церкви Спаса на Нередице. Июль 1917

Вид на железнодорожную насыпь и низменную местность вблизи церкви Спаса на Нередице.
Из материалов поездки П. П. Покрышкина по археологическому надзору в связи со строительством железной дороги близ церкви Спаса Нередицы. Апрель 1917

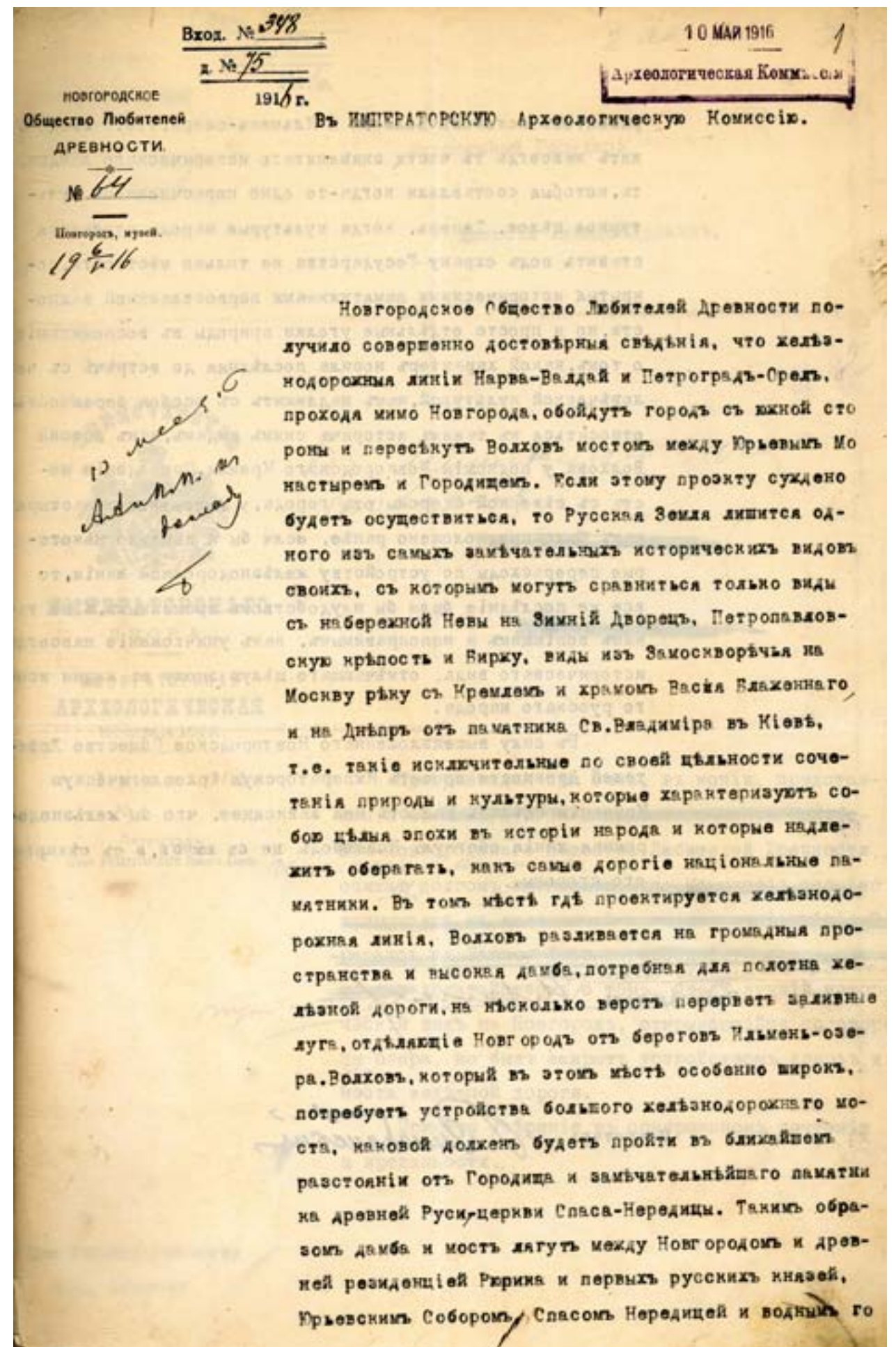
Из строк фрагмента публикуемого письма совершенно очевидно, что в министерстве путей сообщения слабо осознавали уникальность и значимость исторического вида на Городище и Нередицу. Заинтересованные в строительстве лица вовсе не собирались идти на уступки, чтобы предотвратить возможные пагубные последствия для сохранения памятников русской культуры, какие могло повлечь за собой возведение железнодорожной насыпи в непосредственной близости от них.

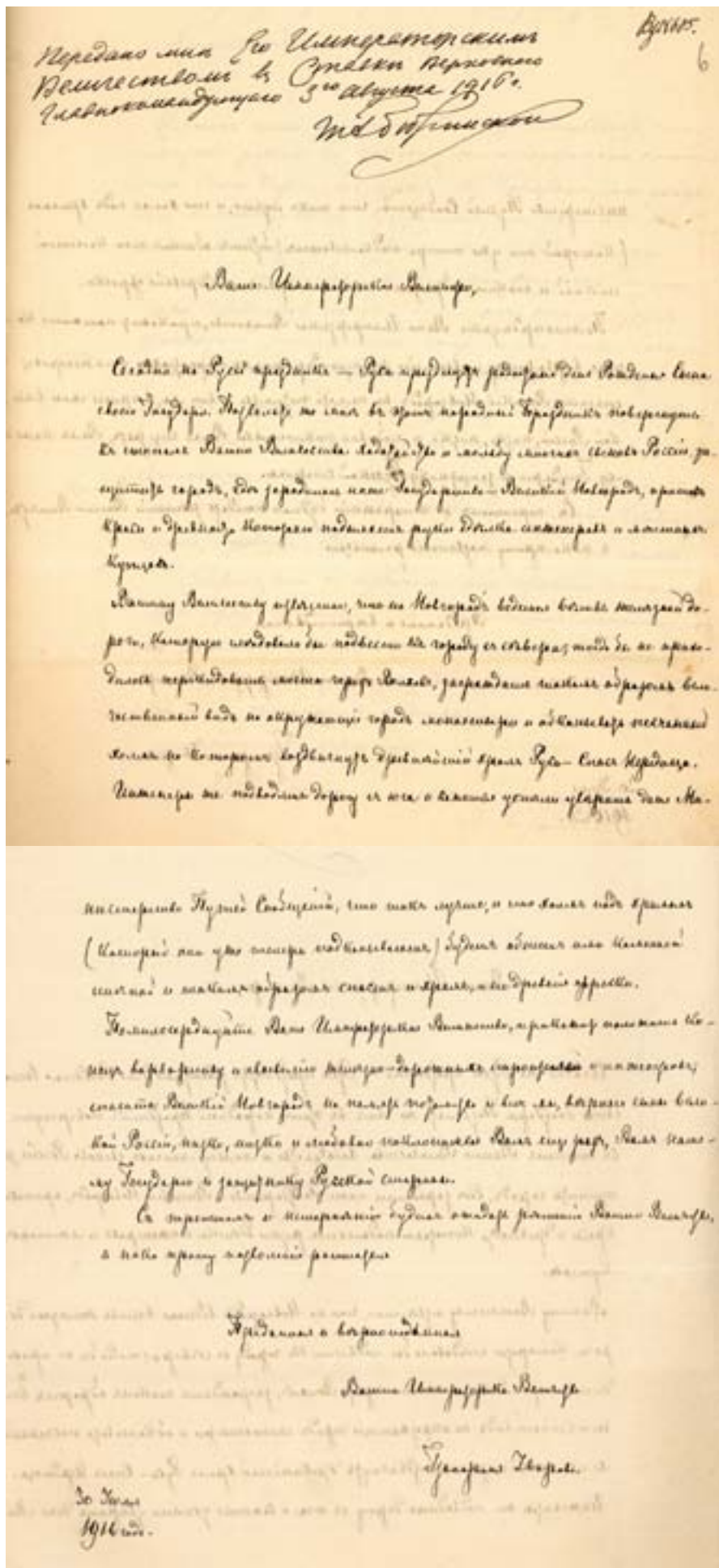
К сожалению, ученая общественность в лице Московского археологического общества, Новгородского общества любителей древности, Императорской археологической комиссии и других учреждений не смогла добиться переноса магистральной линии к северу от Новгорода. В результате многочисленных заседаний с участием представителей научных организаций и министерств, длительной переписки по данному вопросу между различными ведомствами удалось только настоять на внесении некоторых небольших ограничений в проект и на необходимости археологического надзора за строительными работами.

Из письма Министерства путей сообщения в Министерство Императорского двора от 24–25 мая 1917 г.:

«...1) для «охраны храма Спаса на Нередице от возможного разрушения при сооружении железной дороги Новгород–Орел» и от «возможных колебаний почвы под влиянием проходящих поездов» насыпь была отдалена от храма на 123 сажени вместо 66 изначальных, 2) для охраны от расхищения и уничтожения археологических ценностей, находящихся в процессе разработки карьеров для строительства насыпи, производится археологический надзор специалистами, и Общество железной дороги выделило на эти цели кредит, 3) максимально понижена высота насыпи и моста, чтобы по возможности уменьшить «искажения видов на исторические памятники»».

Фрагмент письма Новгородского общества любителей древности в Императорскую археологическую комиссию от 10 мая 1916 г.
Из фонда Императорской археологической комиссии

В последующие годы дорога так и не была достроена. Тем не менее, возведенная для нее насыпь навсегда разрезала уникальный исторический ландшафт между Новгородом, Рюриковым городищем и Нередицким холмом. Строительные работы изменили микроклимат местности, началось ее заболачивание, что негативно отразилось на состоянии фресок церкви Спаса на Нередице. Древнерусский могильник и его материалы за исключением небольшой коллекции вещественных находок, практически полностью утрачены для археологической науки и отечественной культуры.

В годы Великой Отечественной войны комплексу исторических памятников городищенского и нередицкого холмов и близлежащих территорий был нанесен еще больший и невосполнимый урон. Военные действия, происходившие в этих местах, уничтожили почти все архитектурные древности, изображения которых все еще хранят для нас старые фотографии начала XX в. Сильно пострадал и культурный слой важнейшего археологического памятника Рюрикова городища. И все-таки, несмотря на все перипетии XX в., повлекшие за собой многочисленные разрушения древних архитектурных памятников и культурного слоя, а также искажение природных, климатических и гидрографических условий этой местности, она продолжает неизменно приковывать к себе внимание, как специалистов, так и многочисленных ценителей отечественной истории. Рюриково городище и его округа и в наши дни остается тем уникальным, почти не тронутым городской застройкой местом, где сохранились многие черты первоначального исторически сложившегося природно-ландшафтного комплекса раннего периода русской истории, и которое необходимо бережно сохранять для будущих поколений, учитывая трагические уроки истории его прошлого.

?????

ВЕЛИКОЕ
НАСЛЕДИЕ
РОССИИ

Содержание

Выходные сведения